Ф31 02/57

831.02
51
Д. 42776.
28 мая 1913.

ОТЗЫВЪ

О

СОЧИНЕНІИ М. Р. ФАСМЕРА:

„Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ", С.-Пб. 1909 г.,

СОСТАВЛЕННЫЙ

акад. Ѳ. Е. Коршемъ.

Оттискъ изъ «Сборника отчетовъ о преміяхъ и наградахъ за 1909 г.».
(Преміи имени М. И. Михельсона).

2054

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1912.

831.02
57

Отзывъ о сочиненіи М. Р. ФАСМЕРА:

„Греко-славянскіе этюды. III. Греческія заимствованія въ русскомъ языкѣ", С.-Пб. 1909 г.,

составленный академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ.

2054
1

Авторъ въ настоящемъ своемъ трудѣ отчасти съузилъ, отчасти расширилъ ту тему, которой были посвящены первыя два его изслѣдованія, появившіяся подъ тѣмъ-же общимъ заглавіемъ — «Греко-славянскіе этюды» — въ XI и XII томахъ «Извѣстій Отд. Русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ». На этотъ разъ онъ сосредоточилъ все свое вниманіе на русскомъ языкѣ, но за то постарался изучить свой предметъ въ такой полнотѣ, чтобы онъ могъ считаться исчерпаннымъ. Стремленіе къ этой полнотѣ завело его даже черезчуръ далеко, навязавъ ему кое-гдѣ матеріалъ, по малой мѣрѣ, сомнительный, и вовлекло въ нѣкоторыя противорѣчія съ той программой, которой онъ, судя по его введенію и по общему характеру книги, предполагалъ слѣдовать. Такъ, пользованіе источниками исключительно или старыми, или народными (между прочимъ, малорусскими и бѣлорусскими) указываетъ на то, что онъ имѣлъ въ виду, какъ и естественно въ подобномъ изслѣдованіи, цѣль культурно-историческую — представить на

Гос. Историч.-Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 406436
16. IX 1937 г.

основаніи словаря картину постепеннаго вліянія греческаго языка на русскій вплоть до вступленія Русскихъ на путь обще-европейской цивилизаціи, которая, правда, продолжала и продолжаетъ вводить въ русскій языкъ, между многими новыми словами иноязычнаго происхожденія, также слова греческія, но ужь прошедшія искусственную среду западной мысли и культуры и потому способныя свидѣтельствовать о вліяніи древнихъ Грековъ на человѣчество, а не о значеніи Грековъ позднѣйшихъ для Русскихъ. Таковъ былъ, повидимому, первоначальный планъ автора или, во всякомъ случаѣ, таковъ приблизительно онъ былъ долженъ быть. Но авторъ, отчасти намѣренно, отчасти безсознательно, расширилъ его и матеріально, и хронологически къ нѣкоторому ущербу стройности и цѣлесообразности своего изслѣдованія, такъ какъ эти посторонніе его задачѣ элементы онъ не выдѣлилъ въ особыя приложенія, а помѣстилъ на ряду съ тѣми заимствованіями, которыя составляютъ дѣйствительно существенную часть принятаго имъ на себя труда. Вполнѣ сознательно онъ ввелъ въ свой словарь и тѣ греческія слова, которыя проникли къ намъ черезъ иноязычную среду и потому говорятъ о вліяніи на насъ не Грековъ, а передатчиковъ этихъ словъ — Турокъ, Румынъ и т. д., или о вліяніи Грековъ на этихъ передатчиковъ и, такимъ образомъ, относятся къ исторіи ихъ, а не нашей культуры. Едва-ли удачно и пріобщеніе «офенскаго» языка, завѣдомо искусственнаго и вбиравшаго въ себя чужія слова далеко не всегда изъ первоисточника, а, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ изъ такихъ-же языковъ, составленныхъ румынскими, галицкими и венгерскими ходебщиками и ворами. Хронологическое расширеніе программы, въ смыслѣ вторженія въ область уже обще-европейской культуры, авторъ позволялъ себѣ рѣдко, да и совсѣмъ не позволилъ-бы, если-бы въ числѣ семасіологическихъ правилъ, изложенныхъ во Введеніи на стр. III—VI, значилось точное пониманіе изслѣдуемаго слова. При соблюденіи этого правила онъ, конечно, не принялъ-бы такихъ искусственныхъ зоологическихъ названій, какъ *диделфъ*, да еще напечатанное цер-

ковно-славянскими буквами (didelphys двуутробка, по-польски dydelf), *онагръ* (equus onager), *пеля́ндоръ* (didelphys dorsigera, точнѣе didelphys philander — бразильская двуутробка), *ритина* (rhytina Stelleri — морская корова), за «малорусскія» слова только потому, что они значатся въ словарѣ Желиховскаго. Можетъ быть, вѣрнѣе было-бы не называть и такихъ словъ, какъ *тигръ*, «общерусскими», хотя «лютая тигра» можно услышать отъ простолюдина.

Въ связи съ указанными недостатками плана или его исполненія находится упоминаемый авторомъ на стр. II-й упрекъ ему со стороны славистовъ въ недостаточномъ вниманіи къ исторіи греческаго языка. Авторъ защищается отъ этого обвиненія указаніемъ на свои ссылки, по которымъ можно провѣрить хронологію разбираемыхъ имъ словъ и относящихся къ нимъ фонетическихъ явленій. Такимъ образомъ онъ самъ косвенно признается въ томъ, что историческую сторону дѣла предоставляетъ всецѣло труду читателя. Должно отдать справедливость огромной начитанности автора, которая и позволила ему обосновать библіографическими ссылками чуть не каждое свое слово; но, что̀ касается литературы предмета помимо самыхъ памятниковъ, по большей части извѣстныхъ и доступныхъ, эти ссылки указываютъ иногда, и при томъ въ очень краткой и часто условной формѣ, на такія брошюры и журнальныя статьи, которыя можно найти развѣ лишь въ спеціальныхъ или весьма богатыхъ библіотекахъ, вслѣдствіе чего читатель бываетъ лишенъ возможности пользованія находимыми имъ цитатами и успѣшнаго исполненія возложенной на него авторомъ работы по созданію историческаго фона для предлагаемаго ему чрезвычайно разнообразнаго матеріала. По той-же причинѣ приходится кое-гдѣ вѣрить автору на-слово, между прочимъ, въ его лаконическихъ отзывахъ о чужихъ мнѣніяхъ, которыхъ онъ не раздѣляетъ: «Неточно» или «Ошибочно» такой-то, при чемъ иной читатель, можетъ быть, подумаетъ, что, если-бы то или другое изъ заклейменныхъ такимъ образомъ мнѣній стало ему извѣстно, онъ, пожалуй, присоединился-бы именно

къ нему. Правда, даже самое умѣренное распространеніе ссылокъ значительно осложнило-бы работу автора и сильно утолстило-бы его книгу; но онъ могъ-бы отчасти избѣжать того и другого затрудненія, если-бы отказался на этотъ разъ отъ лишняго для его цѣлей матеріала, что̀, какъ было указано выше, послужило-бы только къ пользѣ его изслѣдованія. Такимъ матеріаломъ, кромѣ уже упомянутыхъ примѣровъ, можно считать слова, случайно или по незнанію не переданныя по-славянски тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ переводчикомъ и встрѣчающіяся всего по одному разу, не говоря уже о механическихъ транскрипціяхъ, смѣшеніе которыхъ съ дѣйствительно вошедшими въ употребленіе словами Мелье (Meillet) въ своемъ отзывѣ о настоящемъ трудѣ автора («Bulletin de la Société de linguistique de Paris», № 57, стр. CLXXV—CLXXVII) приписываетъ преимущественно предшествующимъ частямъ его «Этюдовъ», однако, и въ III-й части остались **енколпионъ**, **крокон̀ъ** («книжное»), **легатосъ**, **леонтопардосъ** и т. п. и лишенныя греческихъ окончаній, но все-же никѣмъ не принятыя въ родѣ мертворожденныхъ **кнодалъ**, **пификъ** или **хирогриль**. Того условія, что какое-нибудь заимствованное у Грековъ слово попадается лишь однажды, конечно, еще не довольно для зачисленія его въ разрядъ несуществовавшихъ въ языкѣ; но когда это условіе поддерживается признаками безсознательной передачи не звуковъ, а буквъ оригинала, тогда можно уже рѣшительно усомниться въ томъ, что оно было въ составѣ языка, хотя-бы только книжнаго. Въ самомъ дѣлѣ, употребительныя заимствованія, хоть первоначально усвоенныя лишь зрѣніемъ и оставшіяся достояніемъ ученаго меньшинства, такъ или иначе измѣняются въ сторону приноровленія къ привычкамъ и потребностямъ языка.

Послѣднее наблюденіе ведетъ насъ къ вопросу о происхожденіи нѣкоторыхъ передѣлокъ греческихъ словъ на славянской почвѣ, съ которымъ отчасти связанъ и вопросъ о принадлежности отдѣльныхъ словъ къ тому или другому виду заимствованія, каковыхъ авторъ различаетъ два: 1) заимствованія книжныя а) пря-

мыя и б) проникшія въ русскую письменность изъ церковно-славянской, 2) заимствованія народныя (стр. 2—6). Извѣстно, напр., что греческія слова ж. р. на *—ις* и *—υς* при род. п. на *—ιδος, —υδος* оканчиваются въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ, не на *—ись* или, по грамматическому роду, на *—иса*, а на *—ида*. Во всѣхъ такихъ примѣрахъ авторъ видитъ передачу простонароднаго окончанія *—ίδα* и тамъ, гдѣ не находитъ ея въ памятникахъ греческаго языка, возсоздаетъ ее на свой страхъ, напр., при — будто-бы «народномъ» — *арахнида* «ἀραχνίδα» по аналогіи уменьшительнаго ἀραχνίδιον, которое впрочемъ, могло быть произведено отъ основного ἀράχνη безъ посредства фактически неизвѣстнаго *ἀραχνίς, какъ χοριδίον отъ χόρη и т. п. позднѣйшія уменьшительныя. Но вѣроятно-ли, чтобы такія слова, какъ **хламуда** (Остр. Ев.), **пирамида** (XIII сл. Григ. Бог.), **епомида** (Мин. XII в.), причисляемыя и авторомъ къ книжнымъ, могли имѣть въ подлинникахъ, попадавшихъ въ руки славянскихъ переводчиковъ, форму χλαμύδα, πυραμίδα, ἐπωμίδα, а не χλαμύς, πυραμίς, ἐπωμίς? Что-же оставалось дѣлать съ такими словами переводчикамъ, знавшимъ ихъ склоненіе и грамматическій родъ, какъ не переиначить ихъ такъ-же, какъ переиначили и позднѣйшіе Греки, но въ такой-же независимости отъ нихъ, какую необходимо признать, напр., за польскимъ pigamida? Иной вопросъ — но все-таки еще вопросъ, — отъ книжнаго χόρις или отъ разговорнаго χορίδα происходитъ попавшее въ басни Стефанита и Ихнилата *корида* (что значитъ будто-бы «вошь», а на самомъ дѣлѣ—клопъ). Это *корида* отнесено авторомъ почему-то къ «народнымъ» заимствованіямъ, какъ и *арахнида*, которая, судя по переводу автора «agapea», есть не что иное, какъ то, что народъ называетъ паукомъ. Сюда-же причислены названія птицъ *псофія* (что по-гречески едва-ли «*ψοφια», а скорѣе *ψοφίας), *харадрь* (по-гречески не «χαράδριος», а χαραδριός) и многое другое, напоминающее гораздо болѣе книгу, чѣмъ народную рѣчь. Вообще распредѣленіе словъ по категоріямъ, принятое авторомъ, далеко не безспорно, что впрочемъ тѣмъ менѣе можно поставить ему

въ вину, что и другимъ изслѣдователямъ разработываемаго имъ предмета, которыхъ трудъ будетъ, по крайней мѣрѣ, на половину облегченъ этой книгой, едва-ли когда удастся точно опредѣлить ближайшіе источники и пути каждаго слова, проникшаго въ русскій языкъ изъ греческаго [1]). Причина тому — недостаточность нашихъ свѣдѣній объ историческихъ судьбахъ нашего языка, при которой для разрѣшенія этой задачи пригодны лишь очень немногіе, особенно рѣзкіе и ясные критеріи, во всякомъ случаѣ болѣе надежные, чѣмъ происхожденіе даннаго перевода, кажущееся автору достаточнымъ признакомъ для различенія заимствованій непосредственныхъ и прошедшихъ черезъ церковно-славянскій языкъ, хотя вопросъ о родинѣ такого-то переводнаго произведенія не всегда можно считать рѣшеннымъ безповоротно, и само собою разумѣется, что тѣ русскіе грамотѣи, которые переводили греческіе тексты, по мѣрѣ своихъ познаній, на церковно-славянскій языкъ, были болѣе или менѣе начитаны въ памятникахъ этого языка, уже обладавшаго значительной переводной литературой.

Но, какъ-бы слабо ни были обоснованы нѣкоторыя стороны плана и классификаціи, усвоенныхъ себѣ авторомъ, онъ безспорно стяжаетъ себѣ почетное мѣсто среди изслѣдователей исторіи и этимологіи русскаго и церковно-славянскаго языковъ тѣмъ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла, съ которыми онъ собралъ огромный, отчасти никѣмъ до него не замѣченный матеріалъ и разносторонне обработалъ его по даннымъ и правиламъ современной науки. Съ методологической стороны заслуживаютъ особеннаго вниманія отдѣлы его предисловія, посвященные фонетикѣ греческихъ словъ въ русскомъ языкѣ (стр. 6 — 18) и выводамъ изъ нея для звуковъ тогдашняго греческаго языка (стр. 18—25). Впрочемъ, и здѣсь можно возразить противъ нѣкоторыхъ частностей. Такъ

1) Рецензенту пріятно отмѣтить, что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей древней письменности, акад. В. М. Истринъ, въ своемъ отзывѣ о книгѣ г. Фасмера («Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1910 г., кн. 4, стр. 372—384) въ свою очередь выразилъ то-же самое сомнѣніе.

на стр. 9 онъ высказываетъ мысль, что русскія *паполома* изъ πάπλωμα и *коровать* (діалектически = *кровать*) изъ κραββάτι(ον) подтверждаютъ Торбьёрнсонову теорію общеславянской перестановки плавныхъ; но не то-же ли здѣсь явленіе, что въ позднѣйшемъ *балагўръ* (= *бологўръ*) изъ Фр. blagueur? На стр. 10 онъ говоритъ о р. *о* изъ гр. *α* такъ, какъ будто здѣсь вовсе не замѣшано ударепіе, роль котораго при распредѣленіи гласныхъ *о* и *а* ясно видна изъ примѣровъ, помѣщенныхъ двумя строками ниже— правда, безъ греческихъ подлинниковъ: *оксамитъ* (ἑξάμιτος), *онахима* (ἀνάθεμα), *поногея* (παναγία), *потріархъ* (πατριάρχης) и т. д. съ *а* при греческомъ ударяемомъ *α* и съ *о* — при неударяемомъ, кромѣ, повидимому, позднѣйшаго *омбонъ* или *омвонъ* вмѣсто обычнаго *амвонъ* (ἄμβων), къ которому можно присоединить *онтипасха* (ἀντίπασχα), легко объяснимое гораздо болѣе употребительнымъ *пасха* (πάσχα). Возможно, что ключа къ распредѣленію этихъ *а* и *о* слѣдуетъ искать въ ссылкѣ «M. Vasmer, KZ. XLI. 157 sq.», но — не у всякаго въ любое мгновенье найдется подъ рукой XLI томъ Кунова журнала. Впрочемъ отношеніе автора къ этимъ гласнымъ въ отдѣльныхъ словахъ ниже не даетъ повода къ ожиданію разгадки въ этой цитатѣ. На стр. 14 малор. *Охрім* написано съ *ї*, что можно было-бы счесть за опечатку, если-бы ниже не встрѣчались *гїнекей* (стр. 48 — также «малорусское» слово!), *кїт* (99), *пїд* (146 примѣч. 2), *пїзма* (150), *пївонія* (тамъ-же, примѣч. 3), *Петрївка* (168), *фїль* (213), *харнїсть* (218), изъ которыхъ *кїт*, *пїд* и *Петрївка* противорѣчатъ малорусской фонетикѣ даже двояко. На стр. 20 авторъ заявляетъ, что русскому *у* въ соотвѣтствіе греческому υ онъ приписываетъ лишь «орѳографическое значеніе». Слѣдуютъ примѣры, между которыми значится не только **змγрна**, представляющее собою передачу не начертанія σμύρνα, а его звуковъ, но и **фγникъ**, гдѣ γ выражаетъ не υ, а οι, еще въ IV в. до Р. Х. совпавшее въ Беотіи съ υ = *ў* (нѣм. *ü*) и долго сохранявшее этотъ звукъ за собою въ средне-греческомъ языкѣ, но до какого именно времени, неизвѣстно. Такъ-же смотритъ авторъ и на *ю* въ **скю-**

томъ = σκυτοτόμος и т. п., хотя *ю* никакъ не можетъ быть признано передачей буквы υ, а не ея звука. Жаль, что онъ забылъ два поучительныхъ примѣра — **георгии хоуровьскъ** = Γεώργιος ὁ Χοιροβοσκός въ Изборникѣ Святославовѣ и неоднократно встрѣчающееся въ нашей лѣтописи **еюпьтъ**, изъ которыхъ первое даетъ греческое имя уже въ славянской передѣлкѣ, едва-ли допускающей мысль объ усвоеніи этого слова лишь глазами, а второе объяснимо только произношеніемъ начертаній Αἴγυπτος за *éjüptos*, что̀ теперь звучитъ *éjiptos*. Не менѣе, если не болѣе, доказательно *Θетю́къ* = Θеотихъ Θεότυχος (14 Декабря): въ такой, чисто народной передѣлкѣ греческаго имени гораздо естественнѣе допустить вліяніе живого выговора прибывшихъ изъ Греціи священнослужителей и ихъ учениковъ, чѣмъ какой-нибудь орѳографическій первообразъ, несогласный съ тогдашнимъ произношеніемъ. Потому-же должны быть признаны свидѣтелями въ пользу выговора υ = *ü* въ Россіи X — XI в. также измѣненныя по-народному имена съ *у* = υ, каковы *Полуёхтъ* = Поліевктъ Πολύευκτος, Акули́на = Акилина Ἀκυλῖνα, *Луке́рья* (малор. *Лике́ра*) = Гликерія Γλυκερία, малор. *Явту́хъ* = Евтихій Εὐτύχιος. Въ словахъ *Чурило* (при *Курило*) = Κύριλλος, *чулиндать* = κυλινδῶ, *Чупро* = Κύπριος (если не = Κυπριανός, по-русски *Кипрія́нъ*, *Купрея́нъ*), *чуръ* = κύριος авторъ и самъ признаётъ изображеніе еще живого звука, *ü*, объясняя передачу его особенной древностью заимствованія. Но причина здѣсь можетъ быть не столько хронологическая (ср., напр., **опорьчистъ** изъ ἐπορκιστής), сколько этнографическая, такъ какъ это *ч* сильно напоминаетъ сербское *ћ* въ сочетаніи *ћу*—, соотвѣтствующемъ какъ греческому, такъ и турецкому *кӱ*—, напр., *ћурѝлица* отъ Κύριλλος, *ћу́рак* изъ *кӱрк* шуба. Въ виду такихъ данныхъ безусловный отказъ автора отъ признанія фонетическаго значенія славянской передачи υ посредствомъ *у* или *ю* лишь на томъ основаніи, что «въ эпоху этихъ позднихъ заимствованій на греческой почвѣ уже установился такъ назв. *итацизмъ*» (стр. 21), кажется черезчуръ рѣшительнымъ, особенно при сопоставленіи ссылки «Thumb[,] Helle-

nismus 227 sq.», гдѣ говорится объ итацизмѣ, съ другою, четырьмя строками выше, «Thumb, Hellenismus 193», изъ которой видно, что этотъ знатокъ позднѣйшаго греческаго языка считаетъ старую славянскую транскрипцію греческаго υ фонетической. Кстати о стр. 21: вмѣсто «Θέδωτος: Θεόδωτος «читай Θέδοτος: Θεόδοτος». Нѣкоторыя другія сомнѣнія, относящіяся къ этой части книги М. Р. Фасмера, были высказаны выше.

Обстоятельное разсмотрѣніе самаго словаря греческихъ заимствованій въ русскомъ языкѣ, при богатствѣ его содержанія и множествѣ возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, не можетъ быть произведена во всей полнотѣ безъ предварительныхъ самостоятельныхъ изслѣдованій. Остановимся лишь на нѣкоторыхъ словахъ, не требующихъ такой сложной и продолжительной работы отъ рецензента и отчасти дающихъ поводъ къ дополненію и подтвержденію общаго отдѣла этой рецензіи, и безъ того непомѣрно разросшагося.

агнасма и другія съ *с* передъ *м*, *в* и *р*, какъ и съ *т* и съ *к* послѣ *н*, съ *в* или съ *п* послѣ *м* и съ *вв*, т. е. транскрипціи, было-бы небезполезно отличить отъ словъ съ *зм* = σμ, *зв* = σβ, *зр* = σρ, *нд* = ντ, *нг* = νκ (γκ), *мб* = μβ, μπ, ββ, гдѣ переданы звуки.

акинтъ изъ ὑάκυνθος прошло, вѣроятно, черезъ болгарскую среду, откуда *а*— вм. *ја*— (ср. **аспидъ** = ἴασπις) и *т* = ϑ (ср. ниже къ **аметусонъ**). Восточное *јāкӣт* — не османское, а персидско-арабское, заимствованное, можетъ быть, у Арамейцевъ.

аксáмитъ. «Съ запада: *акшамéтъ* sm. «казацкая одежда»». Откуда именно? да и какая часть одежды? если то-же, что̀ *бешмéтъ* (а это вполнѣ вѣроятно), оттуда-же могло явиться и *ш*.

аладин «genus palmarum», вѣроятно, восходитъ къ ἐλαία «маслина». *А* изъ ε — какъ въ *аксамитъ*, *аратъ*, *афедрóнъ* (котораго въ словарѣ г. Фасмера нѣтъ) и т. п. Впрочемъ ἐλάτη не «pinus», а abies.

аметусонъ и другія съ *т* = ϑ не мѣшаетъ отличать отъ словъ съ *θ (ϕ)*: *т* указываетъ обыкновенно на происхожденіе изъ юго-славянскаго источника.

ангелъ — бѣлор. *анёлокъ, анёльскій*. То и другое съ польскаго: aniołek, anielski.

андронъ. Къ собственнымъ именамъ, принявшимъ значеніе нарицательныхъ (ср. выше **агафонъ**), прибавь *Фефёла* = Θеофила Θεοφίλη, *Фо́фанъ* = Θеофанъ Θεοφάνης (что̀ есть ниже), *Θалалéй* = Θαλαλαῖος и *Елуфимъ* изъ невѣрно прочитаннаго **еуфимъ** = *Евфимій* Εὐφήμιος (ср. *Елистратъ* = Евстратій Εὐστράτιος) — всѣ въ смыслѣ глупаго, недогадливаго, ненаходчиваго человѣка, также *Матрёшки* «деревянныя куклы, которыя вкладываются одна въ другую». «Андроны ѣдутъ» — образчикъ безсмыслицы. Впрочемъ, тождество всѣхъ этихъ «андроновъ» съ именемъ собственнымъ Ἄνδρων еще не доказано.

анитъ смотритъ странно при единственной ссылкѣ «Pavlovskÿ 14» (т. е., вѣроятно, нѣмецко-русскій словарь Павловскаго).

апострофъ. Едва-ли можно рѣшительно утверждать, что **апострофъ** въ памятникѣ XVII в. отражаетъ собою простонародное ἀποστρόφι: для формы съ **ъ** довольно было сербскаго подлинника.

апракосъ можетъ тѣмъ менѣе происходить отъ ἄπραγος, что послѣднее значитъ «бездѣльный, праздный». Не принадлежитъ-ли *а́пракосъ* языку коренныхъ Болгаръ? ср. мадярское aprό «мелкій, малый», которое можетъ восходить къ **aprak:* apróként olvasni «читать по мелочамъ, короткими отрывками»?

архиатъръ. Въ XVIII в. *архіа́теръ*, на этотъ разъ уже несомнѣнно съ лат. archiāter, откуда ср.-в.-нѣм. arzāt, н.-в.-нѣм. Arzt.

асинкритъ — не «ἀσηκρῆτις», а ἀσηκρήτις съ лат. a secretis.

афтопоудъ едва-ли изъ ἀχταπόδι, откуда скорѣе можно ожидать **охтопо́дь*, **афтопо́дь;* приведенная выше форма легче объясняется изъ древняго и книжнаго ὀκτώπους род. п. ὀκτώποδος.

ахинéя не «absurdus», а скорѣе verba absurda и res absurdae, по-просту — чепуха. Сопоставленіе Грота съ «**аѳинéя*, «аѳинейская мудрость» изъ ἀθηναῖος» грѣшитъ тѣмъ, что такого русскаго

слова нѣтъ; но для бурсаковъ-остроумцевъ, превратившихъ *gerundium* въ *ерунду́*, могло послужить источникомъ или пресловутое ἄνδρες ἀθηναῖοι, извѣстное и имъ, или ссылки на Аѳинея Дипнософиста.

бамберекъ, байберекъ не отъ Bamberg-ли?

быволъ — βούβαλος. Мелье справедливо указалъ въ своей рецензіи на сомнительность греческаго происхожденія славянскихъ словъ съ *б* (конечно, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ звукъ *б* обусловленъ греческой фонетикой) и сопоставилъ данное слово съ лат. *būbalus* или, въ позднѣйшемъ выговорѣ, *būbalus* (съ переходомъ *b* между гласными въ чисто-губное *v*).

бу́кла стаканъ — греч. Ьοῦκλα съ романскаго. Во всякомъ случаѣ ср. *бакла́га (бокла́га)*, по-польски *bukład*, *bukłak*, *bukał* — лат. *boccale* бокалъ.

вайя — βαίον (sic). Обыкновенно τὰ βάϊα, τὰ βάγια (= *вая*).

граматикия, также **кадоликия** (83), **моусикия** (131), **риторикия** (160), **синклитикия** (178), **диалектикия** (Истринъ l. c. 380) и т. п. изъ γραμματική, καθολική, μουσική, ῥητορική, συγκλητική, διαλεκτική и т. д. напоминаютъ ново-греческія γνωστικιά «умная, умница», ἀγαπητικιά «возлюбленная, любовница», πεισματικιά «упрямая, упрямица» и т. п. вмѣсто γνωστική, ἀγαπητική, πεισματική. Впрочемъ есть и **скиния** изъ σκηνή и т. п.

дефтерь — «араб. — осман. tefter». Не арабское, а персидское *дäфтäр*, и въ такомъ видѣ это слово первоначально перешло къ Туркамъ.

джерга, дерга «Wolldecke», зашедшее къ Малорусамъ, по мнѣнію автора, черезъ довольно длинный рядъ посредниковъ, отъ Грековъ (τσέργα «Decke»), къ которымъ оно попало отъ испанскихъ Евреевъ (jerga «Seidenzeug»), вездѣ, кромѣ малорусскаго и испанскаго (гдѣ j = *х* или *ж*), является съ глухими *ч* или *ц* въ началѣ, а у Цыганъ и османскихъ Турокъ означаетъ родъ шатра или шалаша. Возможно предположить персидское *чатр-гāh*, которое, если оно существуетъ, должно значить «навѣсъ», «балдахинъ» или «шатеръ».

дзема малор. (родъ похлебки) — ζέμα изъ «ζεῦμα», откуда рум. *зеамă*. Ζέμα отъ ζέω; откуда-же «ζεῦμα» (несмотря на ссылку «Duc. 460»)? Z = *з* могло перейти въ *дз* чуть-ли не у однихъ Молдаванъ, если это слово получено ими отъ Валаховъ, такъ какъ при этомъ условіи легко допустить дѣйствіе аналогіи: латинскому *d* передъ *e* соотвѣтствуетъ у Валаховъ *з*, у Молдаванъ *дз*.

димитрій, у Малорусовъ *Дмитро́* изъ новогреческой формы, Δημητρός. — Сомнительно въ виду *Петро́*, *Павло́*, *Карпо́*, *Левко́* (= Леонтій, Леонидъ), *Лавро́* (= Лаврентій), *Хванько́* (= Агаѳангелъ), *Михно́* (зап. = Михаилъ), *Пихно́* (зап. = Петръ) и т. п.

доместикъ, также *деместикъ*, послѣднее — изъ «народнаго» (т. е. діалектическаго?) δεμέστικος, которое встрѣчается уже въ Морейской Хроникѣ. Такое старое засвидѣтельствованіе этой формы, правда, очень важно, но—ср., сверхъ приведеннаго мною въ Сборникѣ въ честь М. Ст. Дринова, стр. 55, также **перъфира** изъ πορφύρα (158), *Перфи́ль* (и, вѣроятно, уже по аналогіи, *Перху́ръ*) изъ Πορφύριος, *Демьянъ* изъ Δαμιανός, *Фетíнья* изъ Φωτεινή.

Названіе растенія *драко́нка*, по всей вѣроятности, искусственно. Въ торговлѣ и техникѣ обычно *драга́нтъ*, по-польски *dragant*.

драконъ — δράκων, позже δράκος, откуда малор. *дракъ*, пол. *drak*, нѣм. — бав. *drack* змѣй, а древнѣе ихъ — малор. *дрокъ* оводъ-воинъ. — Забыто рум. *drac* чертъ (= змій библейскій), отъ котораго, въ древнѣйшемъ его значеніи, малор. и т. д., но не *дрок* съ род. п. *дро́ка*, гдѣ *о* не можетъ восходить къ ударяемому гр. α. *Дрок: дрек— (дрочи́ти)* = *строка́* (родъ овода, чуть-ли не тотъ-же): *стрек— (стрека́ти)*.

Оговоренное въ примѣчаніи на стр. 55 «дротъ, hasta» (не точнѣе-ли verutum?) сопоставлено, вслѣдъ за Матценауэромъ и др., со шведскимъ *dart* «кинжалъ», древне-скандинавскимъ *darraðr* «копье» (если не «дротикъ»), англо-саксонскимъ *daroþ*, но, такъ какъ изо всѣхъ этихъ формъ получилось-бы въ русскомъ

языкѣ **дорогъ*, трудно обойтись безъ предположенія польскаго посредства.

***држгъ**, *друк* и т. п. едва-ли могутъ быть поставлены въ связь съ византійскимъ δροῦγγος «громада» (?толпа, отрядъ), которое само заимствовано съ кельтскаго. Славянское **држгъ* (болг. *држг*, *дръг*, польск. *drąg*) или **држкъ* (малор. *друк*, великор. *дрюкъ*) «шестъ, рычагъ» могутъ восходить къ корню *дрѫк-* (црк.-сл. *удржчати*, польск. *dręczyć*) съ варіантомъ *дрѫг-* (откуда, можетъ быть, *пере-дря́га*). Возможно, что этотъ корень есть въ свою очередь такой-же варіантъ корня *trenk-* (лат. *truncus* обрубокъ, лит. *trìnka* «баба» для забиванія свай), какъ *брызг-* — корня *прыск-*. Сюда-же польское *drągi* «дроги» (гдѣ можно заподозрѣть смѣшеніе корней *дрѫг-* и *дрог-* — ср. ирское *droch* колесо), рум. *drug* бревно, балка, *drugă* шестъ, жердь.

єгупътъ. Забыто древне-русское *Еюпьтъ*, *Еюпетъ*.

еля́, малорусскій окрикъ на свиней, плохо подходитъ къ новогреческому ἔλα не только по ударенію, а и по смыслу, такъ какъ ἔλα значитъ, кажется, исключительно «поди сюда» = ἔλα (ἐ)δῶ.

ерен, **иерен** такъ-же мало предполагаетъ въ своей основѣ простонародное ἱερέας = ἱερεύς, какъ **димотъ** = δημότης, **архимандритъ** = ἀρχιμανδρίτης, **патріархъ** = πατριάρχης — несуществующія **δήμοτος* и т. п., которыхъ не требуетъ и авторъ.

кресевь «erugo» — читай: aerugo (какъ при *ярь*).

Ермола́й и *ермо́лка* едва-ли связаны чѣмъ-нибудь, кромѣ звука. Послѣднее, можетъ быть, изъ **яломо́нка*: ср. *яломо́къ* = бѣлор. «*ерму́лка*» еврейская скуфейка»».

звиня́ръ (офенское) «поясъ»—«осм. *zinar*». Если такая форма въ османскомъ есть, ей во всякомъ случаѣ предшествовало *зӯн(н)ар* (перс. *зуннār*), откуда объясняется вторженіе *в* въ русскую форму даже безъ «народнаго осмысленія въ сторону **звьнѣти**, «sonare» (если не tinnire, tintinnare).

Затронутыя въ примѣчаніи на той-же страницѣ (63) в.-р. *зинзиве́й* «althaea officinalis» и м.-р. *дзӣндзӣвер* «malva mauritiana» наводятъ на мысль о существованіи др.-болг. **зинзи́веръ* изъ

гр. ζιγγίβερι. Что́ до б.-р. *дзеньдзи́виръ* «увалень, лѣнтяй» съ производнымъ отъ него *дзеньдзи́вириць* «лѣнтяйничать», то здѣсь былъ, вѣроятно, примѣненъ семасіологическій пріемъ, напоминающій знаменитую этимологію «lucus a non lucendo»: имбиремъ названъ вялый человѣкъ, о которомъ говорятъ: «ему-бы имбирю подъ хвость» (что́ барышники дѣлаютъ старымъ и лѣнивымъ лошадямъ).

зигисати и другіе глаголы на **—исати** въ соотвѣтствіе греческимъ на —ίζω съ аористомъ на —ισα зашли къ намъ отъ южныхъ Славянъ.

зя́стра «приданое» = «рум. zestra» (читай zéstra или zeastra, то и другое фонетически = *зя́стръ*) объяснено правильно покойнымъ Хыждеу изъ лат. *dextra:* многіе договоры, въ томъ числѣ и брачный, скрѣпляются подачей правой руки.

измарагдъ. Форма **изоумроудъ** восходитъ прямо къ перс. *зумруд* безъ османскаго посредства, которое — въ XVI — XVII вв. — принесло-бы намъ **зюмрюдъ* или **зимридъ* (осм. *зӱмрӱд*).

илектръ. *Алаты́ръ*, правда, не можетъ быть выводимо отсюда, но греческое его происхожденіе, кажется, все-таки мыслимо: (λίθος) ἀλετήριος мельничный камень, жерновъ.

Въ примѣчаніи на той-же страницѣ (67) вмѣсто «ἴλῡς» читай ἰλῡ́ς.

Кабатъ «рабочая рубашка» и т. п. «⟨*кавадъ ⟨καβάδης» — генеалогія невозможная хотя-бы уже по наличности *б* (ср. къ **быволъ**). Ближайшая форма къ русской — польск. *kabat* «кофта».

Въ примѣчаніи на той-же страницѣ (71) рѣчь идетъ о ст.-сл. **ковъчегъ**, при чемъ оно сличается съ «турецк. *kypčak*, «idem», «которое сообщено автору А. Н. Самойловичемъ. Не *курчак* (=qurčaq)-ли? Обсуждаемое тамъ-же *кавья́ръ* «икра» можетъ, кажется, восходить къ иранскому (аршакидскому ср.-перс.?) **хāвіjāр* изъ древнѣйшаго **хāвja-āра* «содержащій въ себѣ яйца» (сасанидское ср.-перс. *хājак* «яйцо», ново-перс. *хājä* «testiculus»).

Въ примѣчаніи къ слову **калига** (на стр. 73) отрицается — по видимому, вполнѣ основательно — происхожденіе русскаго *кали́ка, кали́ка* отъ этого слова. Изъ параллелей стоило упомянуть рум. *calíc* «нищій, негодяй» (фр. gueux).

«**камбанъ** sm. колоколъ... <καμπανός, id.». А не καμπάνα?

При **канава* «конопля» — гр. κανάβα авторъ предполагаетъ гр. *κανναβᾶτον для объясненія русскихъ *коновáтъ* «родъ азіатской шелковой ткани» и *конёвóдка* «женская фата изъ золотой и шелковой персидской матеріи съ узорами». И такъ рѣшительное указаніе на шелкъ и на Азію. Но первообразъ, кажется, еще не найденъ.

«*кандыкъ* sm. erythronium Deus Canis». Читай: dens canis (исправлено въ концѣ книги). «*кáнка* sf. 1) scirpus palustris; 2) Kopfreif... *кáнка*, клистирная трубка, бѣлор.... <κάννα, «calamus... мр. *кáня* sf. 1) Gabelweihe, 2) Milvus regalis». Послѣднія два названія, нѣмецкое и латинское, относятся къ одной и той-же птицѣ — коршуну или, пожалуй, къ двумъ его видамъ. Но что общаго между злакомъ и хищной птицей? *Кáня* (польск. *kania*), *канюкъ* (польск. *kaniuk*) ср. лат. *canо*, нѣм. *Hahn* и т. п. Бѣлор. *кáнка*, вѣроятно, изъ нѣм. *Kanne*.

канонъ — *канýнъ* — ср. христ.-лат. vigilia «вечерня» — фр. la veille «канунъ, наканунѣ».

«**капа** sf. mensura... <κάππα, «cappa» ...*καπάνι, «mensura»... русс. *капáнъ*, хлѣбная мѣра». Это слово, извѣстное только кавказскимъ Русскимъ, есть тур. (осм. и азерб.) *капан*. Къ Малорусамъ и Бѣлорусамъ *кáпа* = покрышка (въ разныхъ примѣненіяхъ), употребительное также въ польскомъ и въ сербскомъ (родъ плаща), могло попасть прямо съ запада.

Приведенное подъ **карафалъ** «осм. *karanfil*» есть арабское *карáнфил*. Къ этому слову могло-бы восходить, черезъ ***карж-филъ**, «русск. *канýферъ, канýферъ, калýферъ*, balsamita», если оно не новѣе.

Упоминаемое на стр. 80 въ примѣчаніи 2) русское *карикъ* «кошелекъ» можетъ быть ар. *харīта* (то-же) въ турецкомъ вы-

говорѣ (откуда и *калитá*) съ искаженіемъ со стороны сочинителя или писца.

катавасиꙗ по-гречески не только καταβάσιον, а и καταβασιά, въ просторѣчіи καταβασιά «сумятица, безпорядокъ, разстройство», напр. ἔλαβε μεγάλην καταβασιὰν 'ς τὰ 'δόντια «онъ получилъ сильную зубную боль».

«**кентинарии** sm. mensura... κεντηνάριον... Народн.: κεντηνάριν> **кендинарь**... Изъ греч. κεντηνάριον> осм. *kantar*[2])> **контарь**, «вѣсы»... «mensura frumenti»... *кáнтар*, «вѣсы» мр.... Изъ осм. *kantar* заимствовано также рум. *cantar*, «вѣсы»». Послѣднее точнѣе *căntár* (**кънтàр**). Отсюда или изъ османскаго сербское *кȁнтāр* «1) вѣсы, 2) вѣсъ въ 55 окъ», куда примыкаетъ, судя по ударенію, малор. *кáнтар*. Къ румынскому можетъ восходить русское *контáрь*, къ сербскому — польское *kantar*, чешское и словацкое *kantar* «мундштукъ (при уздѣ)». Отмѣченныя въ примѣчаніи 2) **кентарь** и **кендарь** (у Аѳанасія Никитина), вѣроятно, подновлены изъ гр. κεντηνάριν. Не сюда, а къ гр. κάνθαρος «родъ кубка» относятся — впрочемъ не упомянутыя здѣсь, какъ и греческое слово — сербское (черногорское) *кȁнтара* «мѣдный горшекъ», мадярское *kandér* «кострюля» и румынское *cántă* «металлическій сосудъ» (можетъ быть, съ такой-же утратой конечнаго *r*, какъ *căntá* «пѣть» при *căntáre* «пѣніе» и т. п.).

«**киновꙗ**» читай **киновиꙗ**.

«**кириꙗкъ** sm. Nomen. <Κυριακός... Отсюда, вѣроятно, ...*кирьякъ*, названіе семги... Арханг.». Не поискать-ли предварительно въ языкѣ кольскихъ Лопарей? Впрочемъ, не слѣдуетъ пренебрегать возможностью вліянія со стороны Соловецкаго монастыря.

«**китоврасъ**... <κένταυρος... *κένταυρας». Откуда-бы взялась послѣдняя форма? Мыслима сирская (арамейско-еврейская) передѣлка греческаго слова въ видѣ *кіттаўрā*, которая въ греческой передачѣ могла дать *κιταυρᾶς.

«**китъ** sm. ballaena» — читай: balaena.

«*Клепсидра* sf. «Sanduhr» мр... <χλεψύδρα» — ср. выше, во введеніи, замѣчаніе о словахъ **дидѣльфъ**, **онагръ** и т. п.

«*колиба* sf. хуторъ, <καλύβα». Судя по *б*, съ запада: ср. мад. *kaliba* = «хижина», какъ и греческое слово.

«**кома́ра** sf. таможня...; *кома́рникъ*, плетеная постройка, гдѣ спятъ пастыри и гдѣ хранятъ овечій сыръ, Арх. Астр. (»?«) холчевая (»холщевая?«) накидка, колпакъ на всю голову, съ сѣткой изъ конскаго волоса передъ лицомъ», Гал.-бойк. Уральск. Каз.... <καμάρα... Въ исконномъ родствѣ съ греч. словомъ находится **комора** sf. таможня...; *кама́ра*...; *кама́рка*...» и т. п. Ср. «Дополненія и поправки» стр. 234: «Слово *комора* все-таки заимствовано изъ καμάρα, но раньше русскаго *кома́ра*». Это, во всякомъ случаѣ, вѣрнѣе «исконнаго родства»: καμάρα перешло, повидимому, еще въ обще-славянскій языкъ въ видѣ **комора̀* (съ вин. ед. **ко̏морж*), позже, путемъ вторичнаго заимствованія въ юго-славянскихъ языкахъ, *кома́ра*, откуда контаминированныя *кома́ра* и *кома́ра:* ср. серб. *ко̀мора* и *ка̀мара*. Русское *кома́ра (кама́ра)* могло быть взято съ польскаго *komora* «клѣть». Но *кома́рникъ* произведено, очевидно, отъ комара, какъ греч. κωνωπεῖον отъ κώνωψ.

Южно-великорусское *ко́минъ*, малорусское *ко́мен*, *ко́мін* (а не «*ко́мінъ*»), означающее разныя, по мѣстностямъ, части печи, восходитъ, конечно, къ гр. κάμινος, но непосредственно-ли,—это иной вопросъ. Правда, по мнѣнію автора, «удареніе показываетъ, что русск. слово заимствовано изъ греческаго языка, а не изъ романскихъ»; но въ такомъ случаѣ α не перешло-бы въ *о*. Къ намъ это слово занесено, вѣроятно, въ XVIII в. сербскими переселенцами, а сербское *ко̀мīн* (род. п. *коми́на*) заимствовано, очевидно, изъ романскаго источника (лат. camīnum печная труба).

«**комисъ** sm. dux... <κόμης» и т. д. Едва-ли кто возразитъ противъ сомнѣнія автора въ принадлежности слова **къметь** къ этой греческой формѣ латинскаго *comes:* славянское слово должно восходить къ послѣднему, но, конечно, не прямо и не черезъ греческое посредство, а черезъ романское, на которое указы-

ваетъ измѣненіе латинскаго *ĭ* (род. п. comĭtis) въ *е* (ср. Δομέτιος — откуда наше *Дементій* — изъ лат. *Domĭtius*), тогда какъ измѣненіе латинскаго и обще-романскаго *ŏ* передъ носовымъ звукомъ въ *и* ведетъ насъ къ средѣ румынской (гдѣ, впрочемъ, доступные мнѣ источники даютъ лишь *cumetare* «отвага» и *a se încumetá* «отваживаться, осмѣливаться»).

Въ примѣчаніи къ этому слову (стр. 94) упомянуто *комплíчка* «часовня», а въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» (стр. 234) сообщено мое объясненіе изъ польскаго *kapliczka*, однако съ вопросомъ: «Но откуда здѣсь назализація?». Повліяло здѣсь, вѣроятно, kąpiel = кѫпѣль.

«*кондиꙗ sf. «колоколъ», откуда: кандиꙗ sf., id. . . ‹κόνδυ, «vas»». Ср. серб. *кáнта*, нѣм. *Kandel* «кружка для воды» и слова въ концѣ замѣчанія къ кентинарии.

«*коны sf. vas› *кóновка*, *конóвъ*» авторъ теперь отказывается производить отъ καννίον, въ чемъ, конечно, онъ правъ. За то ему кажется несомнѣннымъ происхожденіе офенскаго *канна* «кабакъ» отъ κάννα «кружка». По малой мѣрѣ, съ такимъ-же правомъ можно думать о нѣмецкомъ *Kanne* (кувшинъ и т. п.) и — о Каннѣ Галилейской, мѣстѣ извѣстнаго всѣмъ христіанамъ брачнаго пира съ претвореніемъ воды въ вино. Связь офенскаго слова съ κάννα тѣмъ сомнительнѣе, что въ немъ, повидимому, ясно слышно *нн*, а въ живомъ греческомъ говорѣ согласные звуки не удвоиваются.

«*кóпанъ*, demin. *кóпанецъ* ms. 1) кóпань, наполненная водой или небольшой колодезь . . . 2) худо обдѣланный колодезь . . .; *копáнка* sf. выкопанный прудокъ, бѣлор. . . .; *кóпанка*, «худая, мутная вода изъ копанца» . . .; *копáнька* деревянная посуда для стирки бѣлья. Сѣдлецъ . . . ‹κόφανος: κοφάνιον ‹лат. *cophanus* ‹κόφινος». И такъ авторъ отдѣляетъ всѣ эти русскія слова отъ слова *кóпань*, которое, очевидно, произведено отъ *копáть* совершенно такъ-же, какъ *дань*, *рѣзань*, *рвань*, *рýгань* отъ *дать*, *рѣзать*, *рвать*, *ругáть*, и по значенію совпадаетъ съ приведенными здѣсь русскими словами (къ которымъ добавь южно-великор. *кóпанка* = копань) кромѣ сѣверно-малор. *копáнька*, которое, впрочемъ, можетъ отно-

ситься къ нѣм. *kufe* (др.-в.-нѣм. *kuofa*, ср.-в.-нѣм. *kuofe*) отъ лат. *cūpa (cuppa)* «бочка», куда примыкаютъ рум. *cúpă*, *cófă* «горшечекъ» при гр. κόφα «корзина» (?) и, можетъ быть, добавленное въ примѣчаніи 1 κοπάνα «корыто».

корабль — серб. *кòрāбаљ* и *кòрāб*, польск. *koraḃ* (о Ноевомъ ковчегѣ).

«**короуна** sf. corona... κορώνα». Такъ какъ форма съ *y* = *ō* извѣстна не только изъ древне-славянскаго и сербскаго языковъ, но также изъ чешскаго, естественнѣе выводить ее изъ лат. *corōna* или изъ ит. *coróna*.

«**костьръ**... κάστρος». А не κάστρον?

«**кровать**... grabbatus» — читай: grabatus.

Упомянутое въ примѣчаніи на стр. 103 *кубáрь*, вѣроятно, изъ ***кѫбарь** — *κομβάρι(ον) отъ κόμβος «узелъ, кочерыжка» по смѣшенію съ κουβάρι(ον) «клубокъ, комъ». Иначе Walde, Lat. etym. Wört. подъ cubitum, cubitus.

«**коумба** sf. pars ecclesiae... <κύμβη... Я не могъ установить болѣе точно значенія русскаго слова[1])...». Въ примѣчаніи 1) выписано то мѣсто Проскинитарія Арсенія Суханова, гдѣ встрѣчается это слово въ связи съ названіемъ, очевидно, противоположной части храма — «моста церковнаго», что̀ наводитъ на мысль, что **коумба** означало куполъ или, по крайней мѣрѣ, его внутреннюю сторону.

Подъ словомъ *куролéсить* неожиданно дана этимологія слова **цьркы** «изъ κυρικόν> д.-в.-н. chĭrĭhha». Но почему изъ κυρικόν Нѣмцы сдѣлали существительное ж. р. на *—а?* да и что такое это κυρικόν? Прилагательное такого образованія возможно отъ κῦρος «авторитетность, значеніе» — откуда собств. имя Κύρικος —, а то, что̀ нужно въ данномъ случаѣ, прилагательное отъ Κύριος «Господь», есть κυριακός, откуда названіе слѣдующаго за субботой дня κυριακή (Dominica) и храма τὰ κυριακά. Сообщенное въ примѣчаніи 2) изъ др.-в.-н. нѣмецкаго Изидора *chiriihha* съ двойнымъ *i* или съ долгимъ *i* послѣ *r* и ведетъ насъ къ κυριακά.

Въ примѣчаніи 3) на стр. 106 въ параллель къ бѣлор. *кокó*

«яйце» при гр. κόκον (то-же) можно добавить изъ греческой дѣтской пѣсенки: πίτσι, πίτσι τό κοκό «вари, вари яичко».

ку́холь, *ку́хликъ* sm. «глиняный кувшинъ разнаго вида»... рѣшаюсь вывести его изъ греч. κουκλί, «Nachttopf»». Хотя-бы уже въ виду семасіологической непріятности такой этимологіи я со своей стороны рѣшаюсь выставить попытку другого объясненія: κύλιξ «кубокъ» — др.-в.-н. **kulihh* — мад. **kuhely* (вин. **kulyhet*).

«*лавра* sf. «высшій разборъ кубовой краски»... <λάβρα, «сильный жаръ» невѣроятно ни по исторіи этой краски, ни по способу ея изготовленія. Скорѣе можно подумать о нѣмецкомъ blau «синій».

Общеупотребительное *лагу́нъ* (полубочье, кадь, баклага, особенно для дегтя), по мнѣнію автора, «заимствовано изъ греч. λάγυνος книжнымъ путемъ... Только такъ объяснимъ звукъ *у* въ этомъ словѣ». Сопоставивъ распространенность этого слова и производнаго отъ него *лагу́нка* чуть не по всѣмъ концамъ Россіи и также его смыслъ съ общимъ характеромъ старой русской письменности, въ этомъ словѣ можно, наоборотъ, видѣть одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ того, что въ то время, когда къ Русскимъ стали проникать греческія слова, греческое υ (какъ и созвучное ему οι) еще не совпало въ выговорѣ съ ι (η, ει).

«*ла́дка*... «оладья»..., *ла́дкати* v. Hochzeitslieder singen, *ла́дканка* sf. Hochzeitslied, мр...; <λαδικό, «placenta»....». Печенье—одно, а свадьба—другое: ср. припѣвъ: «Ой, дїд Ладо!».

«*лазу́рь*, *лазо́рь*... <λαζούρι(ον).... <перс. *lazvard*...[1])», а примѣчаніе 1): «Форма *лазо́рь* для меня не ясна». Вмѣсто «*lazvard*» читай: *lāǧvärd* (*lāʒвärд*). Но это — форма новая, образованная, можетъ быть, подъ вліяніемъ иранскаго *вард* (откуда арм. *вард*, ар. *ўард*) «роза», а, судя по греческому λαζούριον (отъ *λάζουρον, которое могло нѣкогда и существовать), было когда-то въ персидскомъ языкѣ не только **lāʒвар*, но и **lāʒўр*, какъ *ранʒўр* «больной» изъ **ранʒвар*, *дастўр* «руководитель, руководство» изъ **даствар* и т. п. При λαζούριον легко представить себѣ *λαζώριον,

какъ при κιβούρι(ον) было—хотя, наоборотъ, болѣе старое—κιβώριον и т. п.

«**ланно** sn. **лаина** sf. «later»..., **ланно** sn. «stercus»... теперь: *лáйно* sn. Kot, Unrat, *лайня́р*, Mistkäfer, мр.... <λαγύνα: λαγύνιον: λάγυνος... Книжныя заимствованія см. s. v. *лагунъ*». И такъ вотъ истинно народныя отраженія все того-же λάγυνος. Но какъ странно народъ, сохранивъ (будто-бы) неприкосновеннымъ звукъ греческаго υ, измѣнилъ значеніе слова! то была бочка, а на ея мѣстѣ оказывается грязь, экскрементъ, навозъ. Не вѣрнѣе-ли отнести русское слово къ корню *lā* (j)—, откуда латинское *lā—ma*, латышское *lā—ni* «лужа» и персидское *ā—lāj—īдāн* (иначе *ālīдāн*) «марать, пачкать»? Кстати *łajno* въ томъ-же смыслѣ есть и у Поляковъ, которые съ Греками не состояли ни въ какой связи. Можетъ быть, сюда-же и румынское *láje* «черный» (о рогатомъ скотѣ).

«*лакáта* sf. 1) Art Fischnetz, 2) Schloss, мр.... <λακάτα: λακάτι: ἀλακάτη, «Spindel»». Переходъ значеній непонятенъ, не смотря на приведенныя далѣе византійское ἀλακάτιον въ смыслѣ камнеметнаго снаряда и на эпирское «λιάκατα, λάκατα pl. = ὅλα τὰ ἐντόσθια» (?). Но по-мадьярски *lakat*, по-румынски *lăcát* значитъ «замóкъ», откуда могло произойти и названіе сѣти особаго устройства. Впрочемъ веретено на древне-греческомъ языкѣ называлось или ἠλακάτη (у Іонянъ и Аттиковъ) или ἀ̓λακάτᾱ (у Дорянъ и Эолянъ).

«*латýнь*... <греч. λατούνι <лат. *lattone*...» вмѣсто «лат.» читай: ит. (какъ это слово и означено ниже).

Въ примѣчаніи 3) на стр. 112 (почему-то три слова **левкасъ**) *лахýдра* авторъ справедливо затрудняется отнести къ λεχούσα «родильница». Скорѣе можно вспомнить λιχούδης «лакомка», при которомъ, по крайней мѣрѣ, мыслимо въ качествѣ формы ж. р. *λιχούδρα. Казанское и вятское *лахýдрый* «тощій, грязный, растрепанный» могло получить свое значеніе отъ словъ *лохмóтья*, *лохмáтый*. Ср. также (подъ словомъ **лоханъ**) псковское и тверское *лаханка* «грязная, неопрятная женщина».

Въ примѣчаніи 2) на стр. 113 авторъ возстаетъ противъ предположенія исконнаго родства между слав. **ленъ** и лат. *līnum* «въ виду долготы *ī* въ лат. языкѣ. Скорѣе всего оно заимствовано изъ др.-в.-н. *līn*». Это «оно» относится, вѣроятно, къ славянскому слову. Но вѣдь и въ нѣмецкомъ словѣ *i* долго, а изъ германскаго *ī* получается по-славянски *i*, напр. др.-в.-н. *kumīn*—**къминъ** (стр. 108), герм. *wīn* — **вино** (сербск. *вúно*), др.-в.-н. *scrīni* — **скриня**, герм. *hwīla* — чешск. *chvíle*, польск. *chwila*, др.-в.-н. *sīda*—польск. *żyda* и т. п. Кратко *i*, помимо лит. *linaĩ*, также въ гр. λίνον, къ которому такъ или иначе, очевидно, и примыкаетъ славянское слово.

Офенское *лова́къ* «лошадь» можетъ, конечно, восходить къ ἀλογάκι «лошадка», но слѣдуетъ имѣть въ виду и мад. *lovak* мн. ч. отъ *ló* «лошадь». Относительно мн. ч. въ смыслѣ ед. ср. офенское «*митесъ* sm. «носъ» . . . <μύτη . . . pl. μύτες . . .».

Офенское-же *логъ* «мужчина» (примѣч. 1) на стр. 116) ср. осет. *läg* «человѣкъ».

«**лохань** . . . λαγάνι . . . Наконецъ, слово *лежéнь*, «бочка», Рязань . . ., можетъ быть, получилось изъ осм. *lejen* . . . подъ вліяніемъ *лежать* . . .». Но чѣмъ обусловливалось это вліяніе? Ассоціація съ *лежéнь* могла явиться только по измѣненіи *j* въ *ж*, а такое измѣненіе совсѣмъ не въ духѣ русскаго языка. И такъ, если *лежéнь* въ самомъ дѣлѣ заимствовано у османскихъ Турокъ, то для объясненія *ж* изъ *j* приходится предположить посредство другого языка. У офитскихъ Грековъ (въ Малой Азіи) взятое изъ османскаго языка λεγένι должно звучать **leцéй*. Но такое объясненіе остается висящимъ въ воздухѣ, покуда не будутъ показаны пути, которыми эта малоазійская форма добралась до Рязани.

«*луфáръ* sm. lichia amia . . . <λουφάρι [1]); <γουφάρι . . . Прямо изъ греч. λιπάρι, «scombes» («читай: scomber, какъ въ примѣчаніи«) >см. («читай: осм.«) *lüfer*> *лефéръ* . . .», а въ примѣчаніи 1) для объясненія звука λ на мѣстѣ γ: «въ λουφάρι я вижу результатъ контаминаціи греч. γουφάρι + осм. *lüfer*, «scomber», при чемъ

послѣднее восходитъ къ греч. λιπάρι . . .». Осм. *lüфер* само произошло уже изъ λουφάρι (вслѣдствіе близости греческаго λ къ турецкому *l*, а не *л*, съ которымъ было-бы **луфар*). Но ср. чеш. *lup* «чешуя», *lupice* «родъ мелкой рыбы (пескаря)», куда, вѣроятно, относится и упомянутое тамъ-же южно-русск. *лупи́рка* «мелкая рыба».

«*лыскáрь* sm. piscis species... λισγάρι(ον) <λίσγος, «ligo»...». Ср. малор. *лу́ска*, польск. *łuska* «чешуя», если не малор. *лискати(ся)*, польск. *łyskać* «сверкать».

«**магеръ** sm. coquus ... <μάγερος:μάγειρος» и т. д., а въ примѣчаніи 1): «Можетъ быть сюда уже не относится *магéрка* sf. 1) валеная бѣлая шапка безъ полей, 2) банный черпакъ или шайка, Запд...» Ср. польск. *magierka* «родъ шапки» — мад. *magyar* «Мадяринъ».

Въ примѣчаніи 2) тамъ-же (стр. 119) вмѣсто «dello» читай: delle.

«**макъ** ...<греч. μάκος: дорич.-ахейск. μᾶκων...». Отчего не μᾶκος? и не лучше-ли, на основаніи стр. 20 съ примѣч. 2, снабдить это слово звѣздочкой?

Подъ **малакша** слѣдуетъ добавить в.-русск. *малафья́* «semen virile» (выведенное, вѣроятно, изъ выраженія *малафью́* или *малафе́йку трясти́* masturbari). Къ *ф* восходитъ и *хв* въ приведенномъ авторомъ «*малахвія* sf. onanismus», а *ф*—изъ *х* (ср. собств. имя *Мала́хія* отъ семитическаго корня *m-l-k* «владѣть», гдѣ *х* изъ *к* есть сѣверно-семитская особенность), какъ въ словѣ *тафья́* — чув. *тохја* — тур. *такја*.

малакша sf. sporta ...<μαλάκιον, id. [2])», а это примѣчаніе: «Отсюда: н.-греч. μαλάκα sf. «frischer Käse»...». Возможно, что и прямо отъ μαλακός: ср. γλύκα «сладость» отъ γλυκός (γλυκύς), πίκρα «горечь» отъ πικρός и т. п.

При *Маланша* можно добавить малор. *Мела́нка* «Маланья, 31 декабря».

«*мальха́мъ* sm. unguentum ...<осм. *melhem* <μάλαγμα...». Въ общемъ вѣрно, но османское слово заимствовано не прямо съ

греческаго, а черезъ ар.-перс. *malham*, куда, какъ показываютъ *a*, восходитъ и русское слово.

мамона sf. [1]) divitiae . . . < ст.-сл. **мамона** . . . < μαμμωνᾶς . . . Сюда-же: *мамóнъ* sm. обжора . . .; *мамóня* sf. 1) обжора . . . 2) желудокъ . . .; *мамóня* sf. лѣнтяй, вялый, разиня . . .». Полатыни было-бы точнѣе bona mundana. *Мамóня* «обжора», конечно, связано съ *мамóня* «желудокъ» (если не «животъ», какъ и *мамóнъ: набить мамонъ* «наѣсться»), но *мамóня* «лѣнтяй, нѣженка» относится, вѣроятно, къ *мáма*, *мáмонька*, по-польски *tamtnia*.

«**манастриа** sf. монахиня . . . < μαναστρία < μοναστρία . . .». Читай: μανάστρια < μονάστρια.

маринаръ, sm. nauta, Двор. пес. тур. 47; < осм. **marinar* < μαρινάρης . . .». По-османски было-бы **марынар;* но для объясненія слова въ книгѣ польскаго происхожденія, да еще XVII в. не за чѣмъ строить предположительно восточную копію, когда есть западный подлинникъ — ит. *marinaro*, откуда у Славянъ не только словѣнское *mornár*, но — что въ данномъ случаѣ особенно важно — и польское *marynarz*.

«**мартъ** sm. martius . . . < μάρτις . . .». И по-румынски не **Martĭ* (= *Марць*), а *Márte* (при *Martĭ* = вторникъ).

«**мастика** sf. mastix lentiscus . . . < μαστίκα . . .». Чуть-ли не чаще — по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ водки — μαστίχα.

«**маюнъ* valeriana major, откуда *маунъ*, и, путемъ сближенія съ глаголомъ *мяукать: мяу́* > *мяу́нъ* [2]), < греч. μαϊούνιον «amarulus», что изъ μαρούλιον . . .», а примѣч. 2): «Этимъ осмысленіемъ оправдывается и другое названіе этого растенія — «*кошачья трава*» . . .». Извѣстно пристрастіе кошекъ къ валерьяну, который дѣйствуетъ на нихъ охмеляющимъ образомъ. Отсюда и это названіе и варіантъ *мяу́нъ*. Μαρούλιον значитъ «латукъ» (lactuca). Возможно-ли смѣшеніе этой салатной травы съ валерьяномъ, пусть рѣшаютъ ботаники.

«**метохиа** sf. «подворье монастыря . . . < μετοχή, «cella monastica . . . изъ demin. μετόχιον > **метохие** sm. id. . . .». И такъ,

если μετόχιον есть уменьшительное отъ μετοχή, а μετοχή значитъ «келья», оно должно означать также келью, только, можетъ быть, меньшихъ размѣровъ, что̀ и подтверждается объяснительнымъ «id.». А на дѣлѣ монастырское (или патріаршее) подворье называется μετόχιον (напр. Антіохійское подворье въ Москвѣ — τὸ μετόχιον τῆς Ἀντιοχείας, что̀ по-арабски *al-amṭūš al-anṭākí*).

«**мидиа** sf. «ostreae species»... ‹μύδι, id. ...‹μῦς, «Miesmuschel»... къ значенію: *мышь* > *улитка*, сравни лат. *musculus: mus*». Что это значитъ?

«**милоть** sf. «vestis ex pelle»...; **милотиа** sf. id... ‹μηλωτή... Изъ ст.-сл. **милотиа** > рум. *malotea*...». Если это румынское слово то-же, что извѣстное мнѣ *maloteá*, то ближе греческое μαλλωτή «одежда изъ шкуры съ длинной шерстью».

«*мора* sf. maga... ‹μώρα ‹вульг.-лат. *mōra* ‹*maura*...». Но см. Kluge, Etym. W. подъ + Mahr.

«*море* interj... ‹μωρέ...». Въ Дополн. стр. 129 нерѣшительно прибавляется вятское *вре* = βρέ (что̀ также μπρέ = фонет. *брэ*). Ср. малорусскія пѣсни «Ой бре, море, бре! Сип, шинкарко, ще»! и «Ходить Турчин по риночку, Гей, бре море бре» (гдѣ это восклицаніе соединено съ Туркомъ, можетъ быть, неслучайно).

«**мороморъ** sm. marmor...[1]) ‹*мормо̀ръ... ‹μάρμαρος...», а въ примѣч. 1) сказано, что «Соболевскій, Заимств. 22 сл. безъ основанія считаетъ **мороморъ** «позднѣйшей передѣлкой» изъ **мраморъ**. — Дѣйствительно съ передѣлкой мы имѣемъ дѣло въ: **изморомрати**...». Едва-ли дѣло такъ просто, какъ думается автору. Вслѣдъ за Торбьёрнсономъ онъ разсуждаетъ такъ, какъ если-бы это заимствованіе существовало уже въ обще-славянскомъ языкѣ. Но на самомъ дѣлѣ древность его можно доказать только для церк.-славянскаго языка, откуда оно могло перейти въ языкъ чешскій *(mramor)*, а, напр., польское *marmur* восходитъ, по всей вѣроятности, къ др.-в.-н. *marmul* или, точнѣе, къ его первообразу **marmur* (съ лат. *marmor*). Въ такомъ случаѣ небезразличенъ вопросъ, какъ долженъ былъ поступить Славянинъ, говорившій на языкѣ Кирилла и Меѳодія, съ первымъ слогомъ

греческаго μάρμαρος, содержащимъ въ себѣ подударное *а:* по своей фонетической привычкѣ онъ былъ склоненъ сохранить это *а*, а могъ онъ это сдѣлать или при помощи вставки звука *ъ* послѣ *р*, или путемъ перестановки. Къ первому способу онъ прибѣгалъ въ инозычныхъ словахъ, впервые вводимыхъ имъ въ родную рѣчь, ко второму — въ ставшихъ уже болѣе или менѣе обиходными. Слово **мраморъ**, означавшее извѣстный на Балканскомъ полуостровѣ строительный матеріалъ, принадлежало, вѣроятно, къ числу послѣднихъ. Тому, кто привыкъ произносить **мравии**, **мразъ**, **мракъ** и даже **смрадъ**, это слово не доставляло никакихъ затрудненій, но для того, кто въ такихъ случаяхъ не могъ обходиться безъ разложенія *—ра—* на *—оро—*, звукосочетаніе *мра-мо́ръ* было такъ неудобно, что оставалось только распорядиться съ нимъ такъ, какъ онъ поступалъ со всѣми словами такого состава. Въ **изморомрати** это допустилъ самъ авторъ, можетъ быть, не столько сознавая, сколько чувствуя, что съ ***измрамо-рати** русскій человѣкъ ужь совсѣмъ не могъ справиться.

«**моулъ** sm. mulus, Двор. цес. тур. . . . памятникъ заставляетъ предполагать заимствованіе изъ греч. μοῦλος <*mūlus*, id. . . .». Почему? (ср. къ **маринаръ**). Что̀ до приводимыхъ ниже названій рыбъ *мулъ*, *мула́къ*, *мулёкъ*, то прежде, чѣмъ ради ихъ объясненія предполагать» *μοῦλος, «mugil cephalus», можно вспомнить въ самомъ дѣлѣ существовавшее греческое названіе рыбы μύλλος съ его латинскимъ отраженіемъ *mullus*. Это воспоминаніе пригодилось-бы, по крайней мѣрѣ, для двухъ первыхъ, малорусскихъ, а къ третьему авторъ могъ-бы примѣнить то, что́ онъ самъ сказалъ въ примѣчаніи при словѣ «*муксу́нъ* sm. salmo muxun»: «Эту свою этимологію я считаю недоказанной, пока слово засвидѣтельствовано только для Сибири». Сомнительно и «*муля-ви́ця* sf. col. «junge Brut verschiedener Fische» mp. Žel. 458»: ср. в.-р. *маля́вка*, *малёкъ*.

«*муре́й* sm. «сермяжникъ, болванъ, глупецъ . . . Можетъ быть изъ *μωρέλλι: μωρός, «stultus» . . .». Ср. *сму́рый*.

Подъ **моусна** почему-то попало **моусикиа**, хотя **моусоугръ**

(опечатка вмѣсто моусоургъ) поставлено отдѣльно, и при томъ послѣ моуспоула и *мустъ*.

«*мустъ* sm. 1) Flussschlamm, Bodensatz, 2) Kot, Mistwasser, мр.... <μῦστος... Отсюда же, въ виду *рода*, надо признать заимствованіе: аром. *mustu*, «Most»...». Неясно: если не аромунское, то обще-румынское *must* (по прежнему правописанію *mustu*) со мн. ч. *musturi* причисляется къ ср. р., какъ лат. *mustum*.

«нєркъ sm. <н.-в.-н. *nerv* <лат. *nervus*... *невры* sm. pl...» внесено, повидимому, исключительно ради поправки къ мѣсту статьи въ Извѣстіяхъ XI, 2, 396. Впрочемъ сомнительно, чтобы наше *нервъ* («нєркъ») было заимствовано съ нѣмецкаго, а не прямо съ латинскаго.

«нєфть... <осм. *neft* <νάφθα...». Вѣроятно, прямо съ перс. *нäфт*. А персидское слово развѣ съ греческаго?

огурéцъ (что по-латыни cucumis) по-малорусски не только «*огурóкъ*», а также—на Украйнѣ обыкновенно—*огірóк* (изъ мн. ч. *огіркú* отъ ед. **огорóкъ* — **огоръкъ*?).

Приведенное подъ окіанъ «*океáнка* sf. «pteroceras oceani, мр. Žel. 562» есть такое-же малорусское слово, какъ «дидельфъ» (см. выше).

«оксиа sf. accentus acutus, Букв. XVII в., р. 11; теперь: мр. Žel. 567; <ὀξεῖα». Къ современному малорусскому авторъ могъ-бы отнести и приведенное имъ выше изъ того-же букваря вариа, и то и другое было-бы одинаково невѣрно.

«павликіанинъ, sm. hereticus...». Читай: haereticus.

«палимпсестъ... <παλίμψαιστον...». Правильно παλίμψηστον, что у насъ было-бы *палимпсистъ. Но гдѣ встрѣчается форма съ є?

«палоута sf. связка смоквъ... <παλάθα, «gepresster, eingedickter Fruchtsaft». Эту этимологію Срезневскаго авторъ считаетъ сомнительной. Справедливо: ср. перс. *nālūdä*, значащее приблизительно то-же, что греческое слово.

Въ примѣчаніи на той-же стр. 139 разсматривается слово *палúтра* итальянскаго происхожденія *(paletta)* — къ чему?

панагия <Παναγία, «Dei para...». Читай: Deipara.

панéръ sm. *панúръ*, *панырь*, «армянскій сыръ», астр. кавказ... <греч. πανέρι, «Korb, Fischkorb»...». Конечно, съ персидскаго *пáнір* «сыръ».

«**пансырь**... теперь: *пáнцырь*,... *пáнцирь*, мр.... <ср.-в.-н. *panzier* <лат. *pansiderium* <πανσιδήριον (иначе Kluge 290)...». А «иначе» такъ: «*Panzer* M. mhd. panzer, panzier N.: entlehnt aus ital. panziera, mlat. pancerea 'Panzer', das zu oberital. panza ital pancia 'Bauch, Leib'... gehört...». И такого объясненія надобно будетъ держаться до тѣхъ поръ, пока не найдутся фр. (прованс.) **pansier* или исп. (португ.) **pansiero* «панцырь», потому что именно въ этихъ романскихъ языкахъ *d* выпадаетъ между гласными. За участіе итальянскаго языка въ исторіи этого слова говоритъ шток.—серб. *пàнцијер*, *пàнцир* съ удареніемъ, перенесеннымъ съ конечнаго слога. Русскія формы непосредственно съ польскаго *pancerz*.

«*пантóфель* sm. solea, мр.... <н.-в.-н. *pantoffel*..., рядомъ съ *пантýфли* pl.... <фрц. *pantoufle* <лат. **pantofella* <(**παντοφέλλα*, «sandalium»[2])...», а въ примѣч. 2): «Сюда же относится: *тýфель*, «solea» <голл. шведск. *toffel*, датск. *toffel*..., но я не знаю, гдѣ и по какимъ причинамъ произошло «исчезновеніе» начальнаго παν—». Судя по тому, что 1) *тýфель* не наше, 2) παν— нѣтъ въ голландскомъ, шведскомъ и датскомъ *toffel* (которое авторомъ написано почему-то дважды), это отпаденіе должно было произойти въ одномъ изъ этихъ трехъ языковъ,—можетъ быть, въ первомъ, гдѣ есть слово *pan* «сковорода, противень» (нѣм. Pfanne). Если это вѣрно, въ источникѣ слѣдуетъ ожидать и **tuffel*. Впрочемъ, сравни мад. *topán* «полусапожекъ», едва-ли зависимое отъ *παντοφέλλα. Малор. *пантóфель* восходитъ непосредственно къ польскому *pantofel*. Въ заключеніе не могу умолчать о тѣхъ сомнѣніяхъ, которыя возбуждаютъ во мнѣ будто-бы греческое *παντοφέλλα или, пожалуй, построенное раньше Ленцемъ *παντοφελλος (съ неизвѣстнымъ удареніемъ), не смотря на одобреніе со стороны Мелье. Это слово представляетъ собою

сложеніе изъ πᾶς род. п. παντός «весь» и φελλός «пробка (не для затычки, а въ смыслѣ матерьяла)». Можетъ-ли такое сложное выражать то, что̀ въ немъ видятъ Ленцъ и авторъ (въ примѣчаніи), — «въ родѣ нѣм. Ganzkork»? Очевидно, нѣтъ: оно должно значить *Allkork*, т. е. *всепробка* или *всѣпробочникъ*, *всепробочница*, *всепробочный*, какъ παντο-δύναμος значитъ *allmächtig*, *всесильный*, *всемогущій*, παντο-πωλεῖον — **всеторжище*, т. е. ярмарка, базаръ. Для того, что-бы выразить понятіе «состоящій цѣликомъ изъ чего-либо», Греки пользуются сложеніями не съ πᾶς, а съ ὅλος «цѣлый»=нѣм. ganz, напр. ὁλό-χρυσος «состоящій цѣликомъ изъ золота», ὁλό-νευρος «состоящій изъ однихъ жилъ, крѣпкій, сильный» или позднѣйшее ὁλο-μέταξος «состоящій изъ одного шелка». Въ ново-греческомъ языкѣ сложенія съ παντο— еще встрѣчаются, но какія? подобныя выше упомянутымъ, или такія, какъ παντέρημος «со всѣхъ сторонъ одинокій», παντόρφανος «со всѣхъ сторонъ осиротѣвшій, круглый сирота». Таковы и сложныя съ παν—: πανεπιστήμιον «всеучилище, университетъ», πανδοχεῖον «*всепринималище = гостинница» и т. п. Πανσέληνον значитъ, правда, «полнолуніе», т. е., пожалуй, «цѣлая луна», но это слово древнее, да вѣдь и смыслъ его не «состоящее цѣликомъ изъ луны». При томъ всѣ эти слова употребительны только въ искусственномъ письменномъ языкѣ, а въ разговорномъ, къ которому приходится отнести *παντοφέλλα, πᾶς такъ-же замѣнилось болѣе удобнымъ ὅλος, какъ въ романскихъ *omnis* должно было отступить передъ *totus*. Можетъ быть, пригодится слѣдующее соображеніе. Какъ чешское *punčocha*, польское *pończocha*, малорусское *панчóха* «чулокъ» происходитъ отъ средне-верхненѣмецкаго *buntschuoch*, такъ и (опущенное авторомъ) итальянское *pantòfola* и т. д. могло-бы образоваться изъ средне-верхненѣмецкаго **bant-huofel* «копытце съ завязками».

«*nanýγa* sf. psittacus, мр. . . . ; <польск. *papuga* <παπαγᾶς <араб. *babagā*. Окончательная этимологія еще не выяснена . . .». Арабское *бабаḡā* само отражаетъ собою какое-то иноязычное слово, въ которомъ на мѣстѣ *б*, какъ показываютъ гр. παπαγᾶς,

ит. *pappagallo* (рум. *papagál*, мад. *papagály*), др.-фр. *papegai*, было *n*; ср. ср.-перс. собственное имя *Пāпакāн* (?). Пропущено в.-р. *попугáй*, заимствованное, вѣроятно, съ голл. *papegaai* и отождествленное по звукамъ съ повелительнымъ наклоненіемъ отъ *попугáть*. Польская форма похожа на уменьшительное отъ слова, подобнаго велико-русскому. Не упомянутое авторомъ чешское *papuch* (съ уменьшительнымъ *papoušek*) есть также уменьшительное, но отъ болѣе краткой формы, похожей на ту, отъ которой наше *пóпка*.

Въ примѣчаніи 1) на той-же стр. 142 вторая часть слова *па-пырть* сравнивается съ лит. *pirtis* «баня». Ближе **за-пырть*, откуда *взапертú*: ср. *пá-мять* — *на памятú* = серб. *пàмēт* — *у памéти*.

«*паралúчь* . . . ‹лат. *paralysus* . . .». Читай: *paralysis*.

«*парáфія* sf. districtus episcopi, откуда *парáхвія* ‹*парóхія*, мр. . . . Далѣе: *парáфія*, *парафья*, «приходъ» . . . ‹польск. *parochyja* ‹лат. *parochia* ‹παροικία . . .; *napox* sm. «pfarrer» . . . изъ польск. *paroch*› лат. *parochus* ‹πάροικος . . . Изъ русск. яз. обратно польск. *parafija* . . .». Очевидно смѣшеніе съ πάροχος, παροχία еще въ латинскомъ языкѣ, гдѣ *parochus* съ I в. до Р. Х. означало содержателя почтовой станціи, а **paroecus* не было извѣстно. Къ такому смѣшенію могла повести у христіанъ, слышавшихъ слово πάροικος, также забота объ удержаніи ударенія на третьемъ слогѣ отъ конца, не смотря на долготу предпослѣдняго слога, что̀ по законамъ латинской акцентуаціи было естественно въ *parochus*, но невозможно въ **paroecus*. Отсюда и *parochia* (или **parocia* — фр. *paroisse*) въ смыслѣ παροικία. У Поляковъ, конечно, не «*parochyja*», а *parochja*, по старому правописанію — *parochya*, *parochia* (что̀, впрочемъ, можетъ произноситься, по видимому, и въ три слога съ удареніемъ на предпослѣднемъ); такъ-же *parafja (parafia)*. Но откуда однако ударяемое *а* вмѣсто о въ русскомъ. *парáфія?* Объяснить это можно слѣдующимъ образомъ. Лат. *paróchia* перешло въ румынскій языкъ съ романскимъ удареніемъ — *parohíe*. Отсюда русское **парохія*, къ

которому восходитъ въ концѣ концевъ *парафе́я (парафѣ́я)*. У Бѣлорусовъ **парохі́я* должно было измѣниться въ **парафі́я*, **парахві́я*. Со временемъ это слово приняло удареніе польскаго *parochja* и въ такомъ видѣ проникло и къ Малорусамъ—*пара́хвія*. Само собою разумѣется, что правильность этого объясненія можетъ быть доказана лишь при томъ условіи, если будетъ найденъ тотъ путь, которымъ это слово зашло отъ Румынъ къ Бѣлорусамъ. Лежалъ онъ, вѣроятно, черезъ буковинскихъ, галицкихъ и холмскихъ Малорусовъ, которымъ и можетъ принадлежать форма **парохі́я*.

пардоусъ . . . <πάρδος[1]) . . . Изъ πάρδαλις> мнимо-книжн. *παρδάλιος[2])> вр. *пардалей*, pardus . . .». Для объясненія этой великорусской формы довольно и πάρδαλις безъ посредства *παρδάλιος, которое сверхъ того могло-бы придти въ голову греческому книжнику только при существованіи несуществующаго *παρδάλις (*παρδάλης). То-же отношеніе удареній показываетъ и призванная авторомъ на помощь въ примѣч. 2) пара ἀπρίλις: ἀπρίλιος. Съ приведеннымъ въ примѣч. 1) понтійскимъ πάρδος «котъ» ср. обращеніе старухи къ кошкѣ въ Σνναξάριον τοῦ τιμημένου γαδάρου: «παρδίτσα μου».

паремиꙗ, паремеꙗ, *паремья́* изъ παροιμία (фонетически = *парӱмі́а*, потомъ *парімі́а*), повидимому, предполагаетъ романское посредство: ср. лат. *paroemia*. Но по-румынски теперь *parimíe* подъ вліяніемъ греческаго духовенства.

«*пари́па* sf. Schindmähre, мр. <*παρίππα <παρίππιον, «veredus» <πάριππος . . .». Вѣроятно, черезъ рум. *parí́p* «парадный конь». Для значенія малорусскаго (буковинскаго?) слова (= одёръ) ср. фр. *rosse* «кляча» отъ нѣм. Ross «конь», для формы—*шка́па* «кляча».

«*партъ* st. 1) Teil, 3) Geschick, Los, 3) Glück, Talent, мр. . . . <πάρτη, id. . . .». Ср. рум. *parte*, котораго значеніе, можетъ быть, нѣсколько расширилось подъ вліяніемъ синонимовъ *до́ля* и *тала́н*.

«**пароусъ** . . . изъ греч. φᾶρος . . . .». Такъ у Іонянъ, а по-аттически φάρος.

пастá sf. густо сваренная пшенная каша, которую рѣжутъ кусками и подаютъ вмѣсто хлѣба къ вареной рыбѣ», Терск... Въ виду значенія и ударенія, я рѣшительно вывожу это слово изъ греч. παστό, pl. παστά, «piscis muria conditus....». Есть именно такая пшенная *пастá* и у Черкесовъ, которые ѣдятъ ее съ шашлыкомъ.

«*патерúца* sf. Bischofsstab, Mönchsstab... <πατερά, pl. Balken: πάτος, «Boden»... Для измѣненія значенія: Balken> Bischofsstab мы имѣемъ точную параллель въ греч. δοκός, «Balken»: δοκανίκι «baculus episcopi»[1]), которое g. Meyer... ошибочно считаетъ заимствованіемъ изъ латинскаго языка». Πατερίτσα въ томъ-же значеніи есть и по-гречески. Связь слова δοκανίκι съ δοκός представляется сомнительной, несмотря даже на упущенное авторомъ изъ-виду δοκίς «палка, жезлъ»: δοκανίκι, правда, какъ онъ говоритъ въ примѣч. 1) можетъ быть «deminutiv'омъ къ δοκανικό: δόκανον», но что̀ такое эти два послѣднихъ слова? Окончаніе —ανον (какъ и болѣе рѣдкое —ανος, напр. γλύφανος «рѣзецъ» при γλύφω «вырѣзываю, высѣкаю», и —άνη, напр., βυκάνη «труба»—ср. Од. X 20 βυκτάων ἀνέμων «завывающихъ вѣтровъ») выражаетъ обыкновенно орудіе или произведеніе, напр. κόπανον «ножъ для рубки, косарь» при κόπτω «рублю», κτέανον «имѣніе» при κτάομαι «пріобрѣтаю», λείψανον «остатокъ» при λείπω (аор. ἔλειψα) «оставляю», ξόανον «деревя̀нное изваяніе» про ξέω «тешу», ὄργανον «орудіе (при ἐργάζομαι «работаю» (ἔργον «работа, издѣліе, дѣло»), ὄχανον «ручка щита» при ἔχω «держу, имѣю», σπάργανον «пеленка» при σπάργω «пеленаю», τρύπανον «сверло» при τρυπάω «сверлю» (τρῦπα «дыра»), τύμπανον или τύπανον «родъ бубна» при τύπτω «ударяю», φρύγανον «щепка, растопка» при φρύγω «жарю» и т. д. По этой аналогіи можно ожидать, что δόκανον относится къ δέκομαι (аттич. δέχομαι) «принимаю» и означаетъ не то какое-нибудь орудіе для принятія чего-либо, не то—нѣчто принятое или происшедшее отъ принятія или, можетъ быть, какъ сохранное Гесихіемъ δοκάνη, — мѣсто для принятія чего-либо, хранилище, складъ. Отсюда до понятія палки — не близкій

путь. Есть, правда, τὰ δόκανα въ смыслѣ символа Діоскурова, состоящаго изъ двухъ брусьевъ, скрѣпленныхъ двумя перемычками; но 1) примѣненіе этого слова было, очевидно, очень узко, 2) мы не знаемъ, каково было непосредственное значеніе, съ которымъ этотъ терминъ воспринимался Греками. Кромѣ того, уменьшительное отъ δοκανικό, по образованію своему — прилагательнаго, хотя-бы оно и приняло значеніе существительнаго, едва-ли можетъ найти себѣ параллели. При томъ обычное названіе палки или посоха—не δοκανίκι, а δεκανίκι. Густавъ Мейеръ и объяснялъ это слово латинскимъ *decanus*. Въ самомъ дѣлѣ: отъ *decanus* легко могло быть произведено прилагательное **decanicus*, котораго средній родъ **decanicum* получилъ значеніе «деканскаго» посоха. Отсюда по-гречески *δεκάνικον уже сначала въ смыслѣ существительнаго, отъ котораго, какъ такового, можно было несомнѣнно образовать уменьшительное δεκανίκι. За форму съ ε, а не съ ο, говоритъ и осм. *дегенек (дежанек)* «палка, трость». То обстоятельство, что это слово извѣстно и азербайджанскимъ Туркамъ, не противорѣчитъ предположенію иноязычнаго его происхожденія: греческое σαγμάρι(ον) «вьючное сѣдло» въ турецкой формѣ *самар* зашло даже въ Среднюю Азію.

Въ примѣч. 2) на той-же страницѣ (146) вмѣсто «*пїд*» читай: *під*.

«*пацъ* sm. чрнм. rhodeus amarus, откуда . . . *пацъ*, *пасюкъ*, *пацюкъ*, mus decumanus . . . . <πάτσος, «mugil cephalus» . . .». И такъ растеніе и крыса получили свое имя отъ рыбы. Стоило-бы остановиться на вопросѣ, какъ это произошло.

пелеканъ sm. pelicanus, <нѣм. *Pelikan*, а не греч. πελεκᾶνος . . .». Почему?

Что *петекъ* «верхнее платье» есть рум. *petec* «лохмотья» изъ алб. *petkɛ* «платье», вполнѣ ясно, но нельзя сказать того-же объ отношеніи «готск. *paida* <βαίτη» и «исл. (сѣв.) *fat* «Hemd» (:готск. *paida*)», откуда «заимствовано русск. фатá» (не *фотá).

Вмѣсто «*пїзма*» читай: *пізма*.

На той-же страницѣ 150 въ примѣч. 3) вмѣсто «*пївóнія*» читай: *півóнія*.

Вмѣсто «**питронъ**» читай: **питропъ**.

«**пифарь** sm. бочка... <πιθάρι(ον)... Изъ аугментативнаго: πιθάρα> семит. *pithārā*, id....». Сирское *nipārā* есть существительное въ status emphaticus, признакомъ котораго служитъ *—ā*. Это надобно имѣть въ виду на тотъ случай, если-бы оказалось, что это заимствованіе древнѣе повообразованія πιθάρα.

Въ примѣч. 2) на стр. 153 читай: серб. *пòгача* (а не «*погàча*») и прибавь словѣн. *родáча*.

«*подáгра*... <ποδάγρα, «pedica»...». Для русскаго значенія этого слова нуженъ переводъ не «pedica», что̀ значитъ «силокъ, капканъ», а podagra.

«*политикáнъ* sm. politicus, мр. Žel. 690 <*πολιτικᾶνος: πολιτικός...». А *критикáнъ* <*κριτικᾶνος: κριτικός? А *интересáнъ*? А *интригáнъ*? Это ужъ ясно — фр. interessant, intrigant. По этимъ образцамъ и *политикáнъ*, какъ-бы **politicant* «предающійся политическимъ соображеніямъ», что̀ значитъ и наше слово (наше, великорусское, конечно, больше, чѣмъ малорусское). Изъ производныхъ забыто *политúчный* = польск. *polityczny* = тонкій въ обращеніи, учтивый.

«**полъ** sm. «Diele»... Можетъ быть заимствовано изъ ср.-греч. πάλος, «шестъ, бревно»... или изъ др.-в.-нѣм. *pfâl*.... Сюда же, какъ позднѣйшее заимствованіе изъ романскихъ языковъ, примыкаетъ: *паль* sm. «свая, высокій камень»...; *пáля* sf. «свая»». Наше *полъ* не можетъ быть передѣлкой греческаго πάλος или древне-верхне-нѣмецкаго *pfâl*, потому что въ такомъ случаѣ звучало-бы **палъ*. Затруднительно это производство и по причинѣ семасіологической, особенно отъ нѣмецкаго *pfâl*, теперь *Pfahl* «колъ» (какъ и латинскій его подлинникъ *pālus*), къ чему авторъ склоняется на стр. 156, и это затрудненіе не устраняется приведенными имъ тамъ-же сомнительными аналогіями. За то къ *pfâl* могутъ быть отнесены *паль*, *пáля* и не упомянутыя имъ

па́лка, *па́лица* (польск. *pálica*, чешск. *palice*). Что же касается слова *полъ*, едва-ли слѣдуетъ отдѣлять его отъ *по́ле*.

Въ примѣчаніи на той-же стр. 155 авторъ, возражая противъ моего производства слова *полоу́мный* изъ παλαβωμένος, ссылается на «параллельныя образованія отъ другихъ substantiva и adjectiva, напр.: *дополу́пьяны*, *дополу́сыти*, Вятка, Сб. LXXVI, 48». Первое не параллельно ужь потому, что оно отъ прилагательнаго или, пожалуй, отъ «adjectivum», а второе потому, что *сыть* выражаетъ преходящее состояніе, тогда какъ *умъ* означаетъ постоянное свойство. Важность этого семасіологическаго условія обнаруживается, между прочимъ, въ томъ, что *дополу́сыти* существуетъ только въ этомъ видѣ, съ предлогомъ, а не самостоятельно въ формѣ **по́л-сыти* или **по́лсыть* съ род. **полу́сыти*, какъ *по́лночь* (но, напр., по-словѣнски *polnoćí*) съ род. *полу́ночи*, и потому нѣтъ прилагательнаго **полусы́тный*, которое одно могло-бы до нѣкоторой степени годиться для сравненія съ *полоу́мный*, но именно лишь до нѣкоторой степени, такъ какъ *полу-* есть род. п. отъ *полъ* «половина», а *поло-*, съ точки зрѣнія русскаго языка, есть основа. Образованное выше ради примѣра **по́лсыть* еще мыслимо въ значеніи полу-сытости, неполнаго насыщенія, но **по́л-ума* или **по́л-умъ* было-бы такъ-же нелѣпо, какъ **по́л-грязи* или **по́л-грязь*, **пол-холода* или **по́л-холодъ* и т. п. Да и правописаніе **паллоумныи** въ XIV в. что-нибудь да значитъ.

«*порфира*... <πορφύρα.... Путемъ контаминаціи πορφύρα + πέρπερα... получилось: **перфира**...». То-же могло получиться инымъ путемъ: см. къ **доместикъ**. Сюда-ли относится малорусское прозвище «**парпу́ра**», изъ котораго авторъ даже выводитъ древне-русское «***порпу́ра**», — это еще вопросъ, особенно при неожиданномъ въ этомъ случаѣ аканьѣ. Ср. рум. *farfurie* («фарфоровая) тарелка, блюдо», *farfurárin* «торговецъ (фарфоровой) посудой».

***праскы** (др.-р. **прасковь**, **прасква**, серб. *пра̏ква*, болг. *пра́ква*) «персикъ» восходитъ, по видимому, къ *παρσίκιον изъ

ср.-перс. **пāрсīг* «персидскій». Ср. 1) *русское масло* (не *чухонское* и не *сливочное*), 2) *русская утка, русскій гусь* = домашняя утка, домашній гусь.

«**пресвитеръ** sm. <ст.-сл. **презвутеръ**... <πρεσβύτερος... Отсюда... **прозвоутеръ**...». Формы съ з указываютъ не на механическое списываніе греческихъ буквъ, а на передачу живого выговора Грековъ. При такихъ условіяхъ слѣдуетъ признать и у, оу попыткою передачи греческаго υ въ качествѣ *ӱ* (нѣм. *ü*).

«**просфора**..., **просфоура**... <προσφορά... Въ вел.-русскихъ говорахъ изъ *просфора* не фонетическимъ, но непонятнымъ для меня путемъ получилось: **просвора**... откуда **просвира**...». Ср. **власвимиꙗ** изъ βλασφημία, **власвимисати** изъ βλασφημίζειν, какъ наоборотъ гр. Σφεντοσθλάβος изъ **свѧтославъ**, рум. *sfânt* = **свѧтъ**, польск. (фонет.) *sfuj* = swój и т. п. Уменьшительное отъ **просвора** по-малорусски **просвӱорка* (изъ **просвóръка* — **просвōрка*), позже, но, повидимому, еще въ XV в., **просвíрка*, если не **просвӱрка*. Отсюда *просвирá*.

«**псалъмъ**... <ψαλμός... Изъ греч. ψάλμα> *псáльма*...». Мягкое *л* не могло получиться изъ греческаго первообраза; ср. польск. *psalm*.

«*псúрка*> *псюрка*... <греч. ψεῖρα <φτείρα (изъ φθεῖρ) + ψύλλα...». Едва-ли нужно предположеніе такой контаминаціи, когда изъ ἐχθές вышло ἐψές. Вмѣсто «φθεῖρ» читай: φθείρ.

поулъ sm. moneta... <φόλλος... Изъ русск. яз. заимствовано тур. *pul*...». То-же при *фоль*. Естественнѣе было Туркамъ заимствовать это слово у Персовъ, у которыхъ *nȳl* значитъ деньги.

рака sl. sepulcrum..., что мы попытались объяснить изъ ἄρκα: ἀρκίον... [1])», а въ примѣч. 1): «Германскимъ это слово считаетъ Peisker 64. Я продолжаю придерживаться своего мнѣнія, потому что не вижу *пока* возможности объяснить германскими средствами двухъ формъ: **raky* и *raka*...». Курсивъ слова «*пока*» принадлежитъ самому автору, изъ чего ясно, что свое не-

согласіе съ Пейскеромъ (да и со многими лингвистами) онъ не считаетъ неустранимымъ. Въ самомъ дѣлѣ невидно важныхъ препятствій къ тому, чтобы готское *arka* или древне-верхне-нѣмецкое *archa* превратилось у Славянъ въ **рака** и даже въ ***раκы***, какъ древне-верхне-нѣмецкое *kirihha*, *chirihha* — въ ***цьркы*** (= др.-русск.), древне-болгарское **цркы**.

Въ примѣч. 2) на той-же страницѣ (165) авторъ не признаетъ происхожденія русскаго *рафли* отъ ῥάμβλιον «по фонетическимъ соображеніямъ». Въ этомъ онъ правъ. Можетъ быть, небезразлично и то, что ῥάμβλιον произошло изъ арабскаго *raml* «песокъ», а это означаетъ гаданіе не астрономическое, къ которому относятся рафли. Но тѣмъ болѣе можно думать объ арабскомъ источникѣ этого слова. Припоминается арабское *rakj* «чарованіе» и переходъ *к (k)* въ *х*, потомъ въ *ф:* см. къ **малакша**. Измѣненіе *j* въ *л* послѣ *ф* понятно, но трудно объяснить эту перемѣну при ея отсутствіи въ разбираемыхъ тамъ примѣрахъ.

Приведенное подъ «**рикъ** sm. rex... <ῥήξ» изъ Арсенія Суханова **регъ** представляетъ собою, вѣроятно, лат. *rex* род. п. *regis*.

Подъ «*романъ* sm. camilla... <ῥωμανός» забыты *романка* и французская параллель *romaine*.

рупосъ sm. «лохмотье»... <ῥύπος, «грязь»... Меня только смущаетъ значеніе; въ н.-греч. яз. имѣется ῥύπος, «Ohrenschmalz»...». Ср. суом. *ruopio* «пришедшая въ негодность вещь», *ruurri* «ошметки, остатки».

Подъ словомъ **роусалка** вмѣсто «*Петрївка*» читай «*Петрівка*».

Подъ словомъ **сагъ** добавь при *саянъ* значеніе «тотъ, кто вмѣсто *ц* произноситъ *с*» (Курск.).

«**сакелие** sn. sacellum... <σακέλλιον..., отсюда теперь: *сакéльня*, sf. Futtersack», мр....». Ср. южно-нѣм. *Säckel* и рум. *săculeţ* (фонет. = *скулéц*) «мѣшечекъ», первое, очевидно, отъ *Sack*, второе отъ *sac*, то и другое отъ лат. *saccus* «мѣшекъ».

саламáта... Я его вывожу изъ σαλγαμᾶτον, «Rübenspeise», pl. σαλγαμᾶτα: σαλγάμι», «Rübe»...». Сверхъ того, что саламата

не имѣетъ ничего общаго съ рѣпой, есть одно затрудненіе, которое необходимо устранить для принятія этимологіи, предложенной авторомъ: слово *саламáта* въ значеніи кушанья изъ муки или крупы распространено отъ Бѣлаго моря до Кавказскихъ горъ, что̀ какъ будто указываетъ на его сравнительную древность, а греч. σαλγάμι есть тур. (перс.) *шалҫам*, которое впервые проникло къ Грекамъ едва-ли ранѣе самаго конца XIV в. Для этимологіи нашего слова можетъ быть небезразлично, что оно свойственно, по видимому, лишь Великорусамъ, а у Малорусовъ и Бѣлорусовъ употребительна форма *саламáха* въ смыслѣ кушанья, отчасти иного.

«*слиангозъ[1]) sm. limax, Проск. Арс. Сух. 357; <осм. *saliangoz*, id. <σάλιαγκος...», а въ примѣч. 1): «Въ рукописяхъ Арс. Суханова имѣется неясное мнѣ слиазъ...». Скорѣе, кажется, можно предположить *слинязъ, хотя такое слово мнѣ неизвѣстно. Но почему Арсенію Суханову естественнѣе было заимствовать греческое слово (если онъ его заимствовалъ) у Турокъ, чѣмъ у Грековъ? Правда, его слово оканчивается на —зъ, чѣмъ оно ближе къ османской формѣ; но вѣдь онъ по-османски едва-ли и зналъ.

«*сандарáкъ*... <σανδαράκη, id. <др.-инд. *çandra-rāga*...». Вѣроятно: *candra-rāga*, хотя и это слово мнѣ неизвѣстно.

«*сéврить* г. понимать, офенск.... изъ контаминаціи *серить* + русск. *зерцáть*, получилось *зéрить* v. «смотрѣть», офен.... Изъ греч. ξεύρω, «понимать»...». Обыкновенно это греческое слово значитъ «знаю» (а «понимаю» — καταλαβαίνω). Странное «*серить*» похоже на опечатку. Странно и «русск. *зерцáть*». Да и нужна-ли эта контаминація при наличности несомнѣнно русскихъ *ýзирка*, *вóззрѣться*, *зазирать* и т. п.?

«синклитъ... <σύγκλητος... сюда же синклития, откуда, путемъ контаминаціи съ *секлетарь* (<*секретарь*) —> народное: *секлетéя*...». Можно обойтись безъ этой сомнительной контаминаціи, предположивъ удареніе *синклитíя*: ср. *Палагéя* изъ *Пелагíя* Πελαγία.

«*сита́рь* sm. ситникъ, куга (водяное растеніе)... ‹σιτάρι(ον), «Weizen»: σῖτος... Болѣе древнее заимствованіе изъ σῖτος› *си́та* sf. «озерное крупное растеніе безъ листьевъ..., откуда: **ситие** sn. «тростникъ»...; дальше: **ситьнъ**, adj., откуда: *си́тникъ*, «тростникъ»...; *ситня́къ* sm. «Schilf, Binse»... Болѣе древнее значеніе сохранилось въ русскомъ: *си́тникъ* «домашній бѣлый хлѣбъ»...». Что общаго между пшеницей и тростникомъ или кугой кромѣ того, что всѣ они — растенія? Но общее найдется между послѣдними двумя растеніями и *ситомъ* въ его первоначальномъ видѣ, какъ и между ситомъ и тѣмъ бѣлымъ хлѣбомъ, который печется изъ пшеничной муки лишь просѣянной послѣ помола безъ помощи крупорушки. По-польски *sit* «куга», *sito-wisko* «мѣсто, гдѣ растетъ куга», *sito* «сито» съ прилаг. *sitny* = **ситьнъ**; по-чешски *sít* «куга», *síto* «сито» и т. п.

«**скала** sf. scala... ‹σκάλα, id.... Сюда же относятся: *ска́лы* pl. «палки, свайки, чурки для игры деревенскихъ ребятъ»..., *ска́лка*, «палка, на которую навиваютъ чистое бѣлье...». Наконецъ, путемъ контаминаціи *ска́ла* + *скала́*, «petra», получилось: *скала́*, «орудіе, на которомъ сучатъ цѣвки для ткани», Саратовъ ...Уже не сюда относится: *ска́ля*, «Tonleiter», мр. Žel. 870, что прямо изъ ит. *scala*». Лат. *scala* значитъ «лѣстница»; то-же и гр. σκάλα. Странно назвать круглую чурку лѣстницей. Нелегко додуматься и до связи цѣвки со скало́й, особенно степняку-Саратовцу. Во всякомъ случаѣ ему было легче перенести ударе́ніе слово *ска́ла*, если это слово, наоборотъ, не звучало первоначально *скала́*. Происхожденія оно можетъ быть славянскаго — отъ *кол-* (*коло́ть*, напр., дрова, чеш. *kláti*, напр., dříví): ср. *у-га́ръ*, *за-га́ръ*, *о-га́р-окъ* при *гор-* (*горѣ́ть*). Малорусское (только галицкое) *ска́ля* заимствовано непосредственно съ польскаго *skala*. Это заимствованіе есть и у насъ въ видѣ *ска́ла*, — вѣроятно, съ латинскаго, а не съ нѣмецкаго, откуда употребительное у физиковъ *шка́ла*.

«**скамня** sf. scamnum, эта форма предполагается мр. *скамни́ця*, *скомни́ця*...; а также заимствованнымъ изъ русск. яз.,

горно-черемисск. *skamńa*, id.... Отсюда ложно-литературное: **скамиа** sf. Домострой 129, 142, теперь: общевр., откуда дальше: офенск. *скамейка*, «лошадь»... Отсюда дальше: *скамля́*, *скамли́ца*, «scamnum», бѣлор.... Русское слово восходитъ къ греч. σκαμνί, pl. σκαμνιά... Изъ русск. діал. *скамля́* осм. *iskemle*...». Общерусское (?) **скамиа**, какъ не засвидѣтельствованное фактически, должно быть отмѣчено звѣздочкой. Впрочемъ и знаки препинанія здѣсь разставлены небрежно, и велико-русское *скамья́* пропущено послѣ «общевр.». Сильвестрово **скамиа** названо ложно-литературнымъ, т. е., вѣроятно, искусственнымъ. Это возможно; но откуда эта форма могла явиться, какъ не изъ уже существовавшаго въ просторѣчіи *скамья́?* какъ, съ другой стороны, изъ «ложно-литературной» выдумки московскаго грамотея могла образоваться бѣлорусская діалектическая форма? какъ эта бѣлорусская форма могла забрести къ Туркамъ? Естественнѣе предположить слѣдующій ходъ дѣла. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ новогреческаго языка ι̯ (j) послѣ μ измѣняется въ νι̯ (vj), напр., μνιά (фонет. = *мня*) «одна» вмѣсто μιά (фонет. = *мья*), Ῥωμνιός «Грекъ» вмѣсто Ῥωμιός (изъ Ῥωμαῖος «Римлянинъ») и т. п., по реакціи противъ этого выговора въ нарѣчіяхъ, не знающихъ такой замѣны, σκαμνιά (фонет. = *скамня́*) могло превратиться въ *σκαμιά (фонет. = *скамья́*). Эта форма и попала къ Русскимъ. Отсюда, по аналогіи слова *семья́* — **сѣмиа**, *Демья́нъ* — **дамианъ** и т. п., искусственное **скамиа**. Въ тѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, которыя всякое ι̯ послѣ губныхъ измѣняютъ въ *л*, *скамья́* превратилось въ *скамля́*. То-же измѣненіе свойственно сербскому языку, и здѣсь-то и слѣдуетъ искать источника османскаго *iskemle* (*iskämlä*). Черемисское *скамна́* образовалось изъ *скамья́*, вѣроятно, уже на мѣстной почвѣ. По-малорусски на Украйнѣ скамья называется *осли́н* (род. п. *ослу́ну*), а галицкое *скамни́ця* или *скомни́ця* можетъ восходить къ румынскому **scamn* (теперь *scaun*), какъ и болгарское *ско́мiн* (можетъ быть, изъ **скомьнъ* съ род. п. **скомьна́*).

«**скараманга** sf. vestis... <σκαραμάγκιον, id.... σκαράμαγ-

κον, id. (Duc. I 382 это слово считаетъ персидскимъ)», куда Маценауэръ присоединяетъ неясное автору *сермя́га*. Слово σκαράμαγκον (σκαράμαγγον) или σκαραμάγκιον (σκαραμάγγιον), означающее не просто одежду, а родъ парадной верхней одежды, до сихъ поръ не объяснено. Трудно сказать, на чемъ основано мнѣніе Дюканжа. Въ виду того обстоятельства, что существеннымъ украшеніемъ плащей и кафтановъ, по крайней мѣрѣ, съ начала среднихъ вѣковъ служили дорогіе мѣха, можно указать иной путь для изслѣдованія исторіи этого слова. На основаніи рето-романскаго *carmŭ* «хорекъ» (?) Мейэръ-Любкэ предположилъ европейское (безъ точнѣйшаго опредѣленія языка) **carmōn*, тождественное съ лит. *szermŭ'* и др.-в.-н. *harmo* «хорекъ». Отсюда ср.-в.-н. *hermelîn* и, вѣроятно, чеш. *chramostejl* (изъ **harmo*+*musteila* отъ лат. *mustēla* «ласка»—животное, близкое къ хорьку) «горностай», неотдѣлимое отъ русскаго *горноста́ль*, *горноста́й*, проникшаго къ намъ, вѣроятно, черезъ Бѣлоруссію или Малороссію, гдѣ *ґ* = ʒ: ср. польск. *hornostaj*. Отъ **carmōn* или, вѣрнѣе, отъ слабой его основы *carmon-* (= *karmon-*) съ подвижнымъ *s* въ началѣ и съ наставкой *-ko-* можно себѣ представить кельтское **skarmonko-* (ср. кимр. *ieuanc*, корн. *iouenc*, брет. *youanc*, *iaouank*, мр. *óac* изъ **i̯ovn̥-ko-* «молодой» — лат. *iuvencus* «бычекъ»)—германское **skarmanga-* (ср. гот. *juggs*, нѣм. *jung*, др.-сканд. *ungr* и пр. изъ **juvun-ga-* «молодой») или, съ древне-верхне-нѣмецкой svarabhakti, **skaramanga* «сшитая изъ горностаевыхъ шкурокъ или украшенная ими одежда». Сюда-же можетъ относиться и **серъмага*, но сходство начала этого слова съ началомъ литовскаго *szermŭ'* заставляетъ думать о первообразѣ, нѣсколько отличномъ отъ германскаго и, можетъ быть, болѣе древнемъ. О трудности присоединенія сюда бѣлорусскаго *скорома́га*, *скорома́ка* «не соблюдающій поста, ядущій въ постъ скоромное», о которой авторъ говоритъ въ примѣчаніи, не стоило и упоминать.

Въ какомъ отношеніи «неточно» я говорю въ Сборникѣ LXXVIII 28 о словѣ **скарлатъ** = σκαρλᾶτον, не могу догадаться.

«*склавы́га* sm. оф. «слуга»... Я предполагаю къ *склавы́га* болѣе древнее **склавъ*, «слуга», выводя его изъ греч. σκλάβος, «servus», Σκλαβηνός <Σλαβηνός: **Словѣнинъ**...». Отсюда можно вывести заключеніе, что, какъ Σλαβηνός произведено отъ **Словѣнинъ**, такъ σκλάβος произошло изъ Σκλαβηνός, какъ-то возникшаго изъ Σλαβηνός.. Форму Σκλαβηνός авторъ признаетъ въ примѣчаніи чисто византійской. Правда, что Византійцы называли Славянъ обыкновенно такъ (съ κ), но Греки, когда хотѣли избѣжать столкновенія σ съ λ (при чемъ σ произносится за *з*), вставляли скорѣе θ, чѣмъ κ, напр. ἐσθλός (дор. ἐσλός), Σφεντοσθλάβος (въ σκλιβώνω вмѣсто στλιβώνω не вставка: см. подъ **сливосать**). Вставка *к* въ этомъ случаѣ свойственна Романцамъ: ит. *schiavo* (изъ **sclavo*), фр. *esclave*, рум. *sclav* «рабъ, крѣпостной» (въ отличіе отъ *Slavo*, *Slave*, *Slav* «Славянинъ»). Впервые вставное *к* въ этомъ словѣ появилось, по видимому, у Итальянцевъ, и отъ нихъ уже **sclavo* перешло къ Французамъ (которые потому и удерживаютъ *s* понынѣ, какъ въ чуждомъ *esclandre* изъ *scandalum*), Румынамъ, Нѣмцамъ (Sklave) и даже Арабамъ *(ṣaklāb)*. Ср.-в.-н. *slave* (при *sklave*), голл. *slaaf* и англ. *slave* скорѣе утратили *к* (черезъ *sch* = *cx*), чѣмъ пришли прямо отъ Славянъ, такъ какъ значатъ то-же, что ит. *schiavo*. Виновниками отождествленія нашихъ предковъ съ рабами были, вѣроятно, Генуэзцы, ведшіе торговлю «живымъ товаромъ» разнаго назначенія изъ Каффы съ народами какъ Европы, такъ и Азіи, гдѣ непосредственными ихъ покупателями были арабскіе купцы. Отъ крымскихъ Генуэзцевъ слово **sclavo* попало, вѣроятно, къ крымскимъ-же Грекамъ, замѣнившимъ новымъ σκλάβος древнее δοῦλος (αἰχμάλωτος), которое приняло въ языкѣ Грековъ-христіанъ значеніе слуги (по-древнему — θεράπων), откуда и δουλεύω съ существительнымъ δουλεία сдѣлались синонимами древнихъ ἐργάζομαι и ἐργασία (что̀ впослѣдствіи случилось и со словомъ σκλάβος въ языкѣ офеней, гдѣ *скла́вить* = дѣлать, *склаво́та* = работа, какъ и съ лат. *servus* и его производными въ романскихъ языкахъ). Что у насъ было нѣкогда **склавъ*,

вполнѣ вѣроятно; но значить оно должно было не «слуга», а *рабъ*. Потому и забытое авторомъ общеупотребительное *сквалы́га* означаетъ человѣка съ наклонностями, достойными только раба, hominem illiberalem, теперь—скрягу, низкаго скупца. Слово σκλάβος могло повліять въ звуковомъ отношеніи на греческое названіе Славянъ, но едва-ли можно допустить, чтобы σκλάβος было сокращеніемъ слова Σκλαβηνός.

Подъ **скомороχъ** не упомянуто **скомрaхъ**.

«*скóна* sf. falco, мр. . . ., *скопá*, *Fischgeier», мр. . . ., «falco haliaetos», вр. . . . <σκώπα. . . . Путемъ контаминаціи *скóна* + *скопьць*, «eunuchus» . . . получилось *скопéцъ*, sm. «eine Art Habicht . . .». Если это—контаминація, то развѣ лишь семасіологическая, т. е. смѣшеніе двухъ сходныхъ по звукамъ словъ. Во всякомъ случаѣ такая подмѣна одного слова другимъ едва-ли произошла безъ участія слова *кóбецъ* «falco vespertinus» (по-нѣм. *Sperber*, по-фр. *épervier*). Впрочемъ, такъ какъ «Fischgeier» и «falco haliaetus» одно и то-же, *скопá* (таково обыкновенное удареніе) въ смыслѣ «рѣчной ястребъ» есть обще-русское слово.

«**скорда* sf., откуда: *скородá* sf. allium angulosum . . . <σκόρδον . . . . Сюда, вѣроятно, уже не относится: *скородúлка*, *скородá*, «борона, смыка» . . . *скородить*, «бороновать землю» . . .». Очевидно; ср. др.-сканд. *skarðr* «изрѣзанный, исщербленный».

«**скрина** sf. ящикъ . . . <σκρίνα . . .». Такъ какъ это распространенное у насъ—правда, въ видѣ *скри́ня* или *скры́ня*—слово находится также не только въ малорусскомъ языкѣ, а и въ западно-славянскихъ (польск. *skrzynia*, чешск. *skříně*), вѣрнѣе выводить его изъ др.-в.-н. *scrîni* (съ лат. *scrinium*, откуда и гр. σκρίνιον).

содома sf. . . . <Σόδομα . . . . Изъ народнаго *Σοδόμη> *Содóмія* 1) великое злоупотребленіе, 2) сильный развратъ, бѣл.-р. . . .». По-гречески σοδομία «мужеложство», и съ тѣми-же удареніемъ и смысломъ великорусское (церковное) *содомúя*. Бѣлорусское съ польскаго *sodomia (sodomja)* въ томъ-же значеніи, какъ латинское (церковное) *sodomia* = σοδομία.

сомáръ sm. asinus, мр. . . .». Какое «мр.»? едвá-ли украинское. Потому ср. мад. *szamár* «оселъ», рум. *samár* «вьючное животное».

«**спафарии** . . . ‹σπαθάριος . . . . Изъ σπαθέα, «baculus»› *спафéй*, «разгульный мотъ, промотавшійся человѣкъ» Калуга . . .». Жаль, что авторъ не подтвердилъ ничѣмъ своего перевода слова σπαθέα, которое обыкновенно значитъ «сабельный ударъ» (теперь въ формѣ σπαθιά). Что̀ до *спафéй*, ср. кумыцкое *icnahe* «щеголь» изъ перс. **icnāhī* = *cināhī*, раньше *cnāhī* «военный» (откуда фр. *spahi* «арабскій кавалеристъ въ сѣверной Африкѣ»).

«*сплина* sf. lien. ‹σπλήνα: др.-гр. σπλήν. . . . Книжное: **сплинъ**, см. Горяевъ 340». А у Горяева: «сплинъ: *англ.* spleen (отъ *гр.* σπλήν)» — вполнѣ вѣрно, только жаль, что онъ забылъ прибавить переводъ: «хандра». Ср. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ I, 38:

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Имъ овладѣла понемногу.

Къ чему-же «**сплинъ**», а не «*сплинъ*», и къ чему здѣсь это слово?

стивик sn. Schminke, Даль IV², 332 . . .». Что это значитъ? и почему «*стивик*», а не *стивіе* или **стивик**?

стихера вмѣсто **стихира** = греч. στιχηρόν, если не мн. ч. στιχηρά, основано, повидимому, на греческомъ *στιχερόν, которое можно предполагать потому, что звукъ *і* изъ *ē* = η (а позже — и какого-бы онъ ни былъ происхожденія — ι, ει, οι, υ) въ безударныхъ слогахъ передъ ρ переходилъ въ *е* = ε, напр. νερό(ν) «вода» изъ νηρόν (въ надписи нубійскаго царька Σιλκώ), πονερός (apo tu ponetu въ англо-саксонской записи греческаго текста молитвы Господней) «лукавый, дурной» изъ πονηρός, σίδερο(ν) «желѣзо» изъ σίδηρος (теперь и πίτερα «перхоть, головная плоть» изъ πίτυρα и т. п.).

Подъ **стратигъ** помѣщены не только **архистратигъ**, но и **стратилатъ** и даже **стратопедархъ**.

«*стратимъ* sm. avis mythicus... Источникомъ слова можно предположить греческое *στράτιμος...». Читай: mythica. Ср. **трохилъ** и примѣчаніе къ этому слову объ *евстрафилъ* (что̀, можетъ быть, изъ *avis trochilus*), хотя вліяніе со стороны слова **стратигъ** легко допустимо: ср. подъ **строудокамилъ** его искаженіе **стратокамилъ**.

«*стро́нуть* v. «сколотить полы или потолки»... можетъ быть изъ греч. στρώνω, «крыть, разстилать»... Отсюда же: *стро́нень*, sm. «столъ», офенск. Суздаль, Kuhns Btr. IV, 340[2]);.... *стро́нецъ*, id.»...», а примѣч. 2): Цитованное тамъ же *стропень*, idem, слишкомъ уже похоже на опечатку». Ср. чешск. *strop* «полъ, потолокъ», польск. *strop* «потолокъ», словѣнск. *strop* «кровля».

строудокамилъ... <στρουθοκάμηλος.... Отсюда же... путемъ контаминаціи съ **строфингъ**> **строфокамилъ**...». Могло быть и проще: **стро(у)фокамилъ**.

Офенскія *сума́рь* и *сума́къ* «хлѣбъ» могутъ происходить не только отъ лишь предположенныхъ *ψωμάρι и *ψωμάκι, а и отъ *сума́*: вѣдь подъ именемъ офенскаго языка разумѣется иногда и нищенскій, и во всякомъ случаѣ взаимное вліяніе того и другого не подлежитъ сомнѣнію. Впрочемъ ψωμάκι «хлѣбецъ» есть въ словарѣ Кинда.

«*сунду́къ*... <осм. *sandɛ̄k* (перс. *sandūk*, Koffer <συνδοκεῖον, id...., ошибочно Psichari..., М. Фасмеръ... считаютъ источникомъ слова греч. σάνδυξ, id. Hesych., которое само заимствовано изъ персидскаго языка...». И такъ наше *сунду́къ* изъ осм. *сандык?* Мало вѣроятно: вѣдь *ы* есть и у насъ. Само осм. *сандык* произошло изъ перс. *ṣandūk* (формы арабизованной, судя по арабскимъ *ṣ* и *k*). Это, по всей вѣроятности, правильно. Далѣе: перс. *ṣandūk* или *sandūk* образовалось изъ греч. συνδοκεῖον. Неправдоподобно: это греческое слово превратилось-бы у Персіянъ, вѣроятно, въ **sundukī*. Если оно зашло къ нимъ черезъ сирское

посредство, оно также едва-ли сократилось-бы въ *sandūk*, потому что у Сирійцевъ звучало-бы приблизительно **сундӯкījӯн* или, можетъ быть, *сундӯкīн*, даже, пожалуй, **сандӯкін* (ср. арамейско-еврейское *санhедрīн* изъ гр. συνέδριον). Перс. *сандӯк* и есть то самое слово—хоть, вѣроятно, въ позднѣйшей формѣ—, изъ котораго произошло греч. σάνδυξ. Что̀ касается греч. συνδοκεῖον, то оно значитъ буквально «сопріемникъ»—странное названіе для сундука. Потому позволительно задать вопросъ, не восходитъ-ли это слово къ тому-же перс. **сандӯк* или къ древнѣйшей его формѣ—можетъ быть, съ краткимъ *у*—съ осмысленіемъ его для Грека путемъ народной этимологіи при участіи слова πανδοκεῖον «гостинница». Къ намъ слово *сунду́къ* попало, вѣроятно, отъ такихъ Турокъ, которые выговаривали его *сандук*.

сурьма́ sf. Zinke, Spiessglanz, вр. Даль IV², 371 сл., мр. Žel. 937 <осм. *sєrma*, «Gold- oder Silberfaden <σύρμα, «Faden»...». Что общаго между порошкомъ и ниткой? При этомъ упущено изъ виду обиходное и старое значеніе русскаго слова—порошокъ для черненія («сурмленія») бровей и рѣсницъ. Что это значеніе старше, чѣмъ данное авторомъ по-нѣмецки (хотя какъ будто изъ Даля), видно уже изъ термина «*сурмяной* блескъ», соотвѣтствующаго нѣмецкому «Spiessglanz». Въ турецкихъ языкахъ этотъ черный порошекъ, приготовляемый изъ металлоида, извѣстнаго въ нашей химіи подъ именемъ *сурьма́*, называется *сӱ́рмä* отъ глагола *сӱ́рмäк* «тащить, размазывать». Потому у насъ также *сюрьма́*. Совершенно отличное отъ этого слова осм. *сырма* заимствовано непосредственно съ рум. *sîrmă* (фонет. = *сы́рмъ*) «проволока» = гр. σύρμα.

«*тавро́*.... Лишь колеблясь, я упоминаю греч. σταυρός «crux», откуда въ Sandhi могло получиться *ταυρός, id....». Ср. осм. *туҕра* «султанское клеймо на указахъ и монетахъ».

Упомянутое въ примѣчаніи къ этому слову малор. (галицк. или угорск.?) *тавротъ* «Art Versteckspiel der Kinder» есть, можетъ быть, мад. **tag —róta* «партія» (изъ *tag* «членъ» и *róta* «партія въ игрѣ).

«таганъ sm. четвероножная, продолговатая подставка подъ кухонную посуду...; деревянный треногъ для подвѣшиванія котла надъ костромъ...»..... Это слово я возвожу къ осм. *tegan*, id. <греч. τηγάνι(ον): др.-гр. τήγανον, id....». Второе изъ значеній русскаго слова напоминаетъ приволжское турецкое (татарское) *таҗан* «висѣлица», для котораго, однако, въ турецкихъ языкахъ, повидимому, нѣтъ соотвѣтствующаго корня. Впрочемъ осм. *тыҗан*, кажется, не «id.», а «родъ печи», и гр. τηγάνι тоже не «id.», а «сковорода».

Изъ приведенныхъ въ примѣчаніи словъ, которыя авторъ не рѣшается отнести сюда «по семасіологическимъ причинамъ», бѣлорусскія *тага́нъ* «пытка», *тага́ниць* «таскать», *тагани́ть* «нести», *притагони́ть* «приносить» (принести?), *тащи́* «нести», *тагани́ць* «носить» представляютъ какъ-бы контаминацію изъ польскихъ *targan* «битье, драчунъ» и *targanić* «таскать, колотить» съ бѣлорусскимъ *тягти́*, *цягці́* «тянуть», а малор. *таганува́ти* «Rast nehmen, sich aufhalten um das Essen zu bereiten» произведено, очевидно, отъ слова *тага́нъ*.

«*та́йстра* sf. «котомка»... чешск.-словацк. *tanistra*..., откуда, уже путемъ народнаго осмысленія: *танїстра* sf. «Reisetasche a. d. Seite», мр....». Въ чемъ осмысленіе?

«*талисманъ*... <нѣм. *talisman* <араб. *telsam*, pl. *telsaman* <ср.-гр. τέλεσμα...». По-арабски *ṭılsm*, мн. ч. *ṭalāsım*. Мн. ч. *ṭılsmān* можетъ быть только въ персидскомъ языкѣ. Къ намъ это слово зашло, повидимому, отъ Французовъ.

«*таль* sf. ramus virens, *талъ* sm. salix cinerea, мр..... *тали́на* sf. Weidenstrauch, мр... <θαλλός, id.... Изъ славянскихъ языковъ заимствовано: осм. *tal*, «Art Weide, Sandweide...». По-великорусски *та́льникъ* «мелкій ивнякъ». Слово *талъ* авторъ признаетъ, повидимому, чуть не обще-славянскимъ; въ такомъ случаѣ, если оно изъ θαλλός, почему не **толъ* съ род. п. **тола́?* Въ турецкихъ языкахъ *тал* распространено помимо османскаго. И опять «id.» употреблено неточно: θαλλός можетъ значить ramus virens, какъ *таль*, но не совпадаетъ по смыслу ни съ ἰτέα,

ни съ οἰσύη, ни съ ἐλίκη, ни съ какимъ инымъ названіемъ растеній, подобныхъ ивѣ. Вообще пока — non liquet.

«*тарáхта* sf. «aus Holz gefertigter Gegenstand, der bei seiner Bewegung ein Geräusch von sich gibt», мр.... <*ταράχτα, id., что изъ ταράχτης, «Quirl zum Rühren der Milch bei der Käsebereitung»...». Ср. звукоподражательное *торохтѣти* «дребезжать» и великор. *трáхъ* — *тарарáхъ*.

«*тимиамъ...> *тимиамъ... <ст.-сл. тѣмїанъ... <θυμιάμι(ον): θυμίαμα...» Если θυμιάμι дѣйствительно существуетъ, это варварское образованіе не можетъ быть старо: ср. *мáти* «глазъ» отъ ὄμμα, *дермáти* «снопъ» отъ δέμα, *кормáти* «кусокъ» отъ κόμμα, *зитимáти* «вопросъ» отъ ζήτημα и т. п.

«**тиранноусъ** sm. tyrannus, Библ. 1499 г.... <τύραννος, id., откуда... *тыранъ*, *тыранъ*, «жестокій истязатель, мучитель», бѣлор....». Ср. «**трофеа** sf. trophaeum, Библ. 1499 г.... <лат. *trophaeum* <греч. τρόπαιον...». И такъ, если самъ авторъ въ одномъ случаѣ считаетъ возможнымъ для Библіи 1499 г. заимствованіе изъ латинскаго языка, зачѣмъ не допустить того-же въ другомъ, гдѣ оно почти такъ-же очевидно? Бѣлорусскія формы, конечно, съ польскаго.

«**торакъ** sm. lorica... <θώρακας, id. id. <θώρακας <др.-гр. θώραξ...». Отчего не прямо съ др.-гр.? Удвоенное «id. id.», вѣроятно, — опечатка.

«*тóрникъ*, *торнякъ* sm. «Werkstück des Böttchers, zum Einlassen des Bodens»... Изъ первоначальнаго **торнъ* <τόρνος, «Werkzeng d. Drechslers...». Дно вставляется въ бочку не токарнымъ станкомъ. Не *торн-икъ*, а *тор-никъ*: ср. общер. *у-тóръ* «отверстіе въ серединѣ бочки, затычка къ этому отверстію».

Въ примѣчаніи къ слову **трáпеза** (стр. 204): «Форма *трепéзникъ* изъ *трапéзникъ* получилась путемъ ассимиляціи гласныхъ... Я не могу объяснить формы: **трѣпеза**... Неясно мнѣ также: **трапеза**... и **трипеза**...». Начало ср. къ **доместикъ**, а далѣе — **трѣва** (болг.) изъ **трава**, **трефолóи** изъ τροπολόγιον, **трепарь** изъ **тропарь**, *трюхъ-трюхъ* отъ *трусúть*, *дрюкъ* при *друкъ*,

дрига́ть (дряга́ть) при *дрыга́ть*, *дрянь* изъ **дрань* (ср. *дермо́* или *дерьмо́*, *из-доръ*), *дря́пать* (и **дрьпати*, откуда малор. *задри́паний* «оборванный») «цара́пать, рвать ногтями» при польскомъ *drapać*, чешскомъ *drápati* (*drár* «коготь»), хотя съ другой стороны *крыло́* при др.-болг. крило, польск. *skrzydło*, чешск. *křídlo*, *скрыпъ* при *скрипъ*, *грыбъ* при *грибъ* и др. съ *и* послѣ *р*.

«*тро́ить* v. «ѣсть», офенск.... изъ греч. τρώγω, «ѣсть»..., точнѣе, изъ *trógu*, id. Маріуполь...». Еще точнѣе: изъ τρώγεις (фонет.=*trójis*), τρώγει (=*tróji*), τρώγετε (=*trójeme*), τρῶγε (=*tróje*), θέλω τρώγει (=*pélo tróji*).

топа́зъ между **тоумбанъ** и **тунъ* не на мѣстѣ.

«**тунъ* sm. откуда: demin. *ту́нецъ* sm. thynnus vulgaris, мр.... ‹осм. *tun*... ‹θύννος, откуда лат. *thunnus*... Изъ русск. яз.› польск. *tuńczyk*...». А чешское *tuník* откуда? И Славяне и даже Турки получили названіе этой рыбы съ запада, такъ какъ Турки могли услышать слово θύννος только въ видѣ *ρίνος*.

«*у́рма* sf. «Spur der Schafe auf dem Grase», мр. Žel. s. v. ‹рум. *urmă*, «Spur», послѣднее же я считаю контаминаціей изъ греч. ὀσμή, «Geruch, Witterung»+ὁρμή, «Andrang»....». Слово ὁρμή едва-ли таково, чтобы могло войти въ народную контаминацію. Да и къ чему она, когда, какъ показываютъ слова въ родѣ *cízmă* «сапогъ» съ тур. *čizme* или *pízmă* «зависть, злоба» съ гр. πεῖσμα, сочетаніе *зм* отнюдь не противно румынскому языку? Лучше, кажется, вспомнить латинскія *flamma* отъ *flag—* (*flagrare*), *plūma* отъ *plug—* (?), *forma*, *norma*, *turma* и т. п. на *—ma*, какъ-бы ни относилось оно къ корню, и предположить дорумынское происхожденіе, напр., отъ *urg(u) —ēre* «напирать».

Для объясненія слова **факіелѣсъ** «варенье» слѣдуетъ, можетъ быть, прибѣгнуть къ рум. *a făcălui* «мѣшать, цѣдить» съ существительнымъ *făcăleț* (фонет. = *фъкълѣц*) «мѣшалка». Впрочемъ, такъ какъ подлинное значеніе употребленнаго Сухановымъ слова, по видимому, не установлено, можно имѣть въ виду и гр. φαχῆ «чечевица и похлебка изъ нея».

Вѣроятно, сюда относится отнесенное къ *фала́на* примѣча-

ніе о малорусскомъ (но едва-ли украинскомъ) словѣ *фа́кля* «фа́келъ», которое авторъ выводитъ изъ нѣм. *Fackel*, что̀ сомнительно въ виду рум. *fáclă* прямо изъ лат. *facula*. Странно только *—ля* вмѣсто ожидаемаго *—ла*.

«фамилиа sf. familia Ист. Св. земли 8, 17; <φαμιλία, id. <лат. *familia*, id....». Такъ какъ «Исторія и описаніе Святой земли» патріарха іерусалимскаго Хрисанѳа относится къ XVIII в., вѣроятно заимствованіе этого слова прямо съ латинскаго.

Изъ малорусскихъ словъ, приведенныхъ въ примѣчаніи къ этому слову, *фаму́ла*, *хаму́ла* «abscheulicher Mensch», *хамло́* «unbeholfener dummer Mensch» и *хамлю́га* «Bauer» восходятъ къ *Хамъ*, хотя на нѣкоторыя изъ нихъ могло повліять лат. *famulus* съ польскимъ удареніемъ, но, конечно, не въ греческой формѣ φάμουλος, отъ сопоставленія которой съ этими словами авторъ отказывается. Странно въ этой связи слѣдующее заявленіе: «Въ то же время фонетика запрещаетъ сопоставленіе польск. *gamuła*, «glupieć» (»читай: *głupiec*«) съ н.-в.-н. *gähmaul*, установленное Karłowicz'емъ 76».

«фаса sf. columba... <φάσσα, id....; путемъ контаминаціи φάσσα + φάρης... получилось: φάρσα, «крылатый конь въ сказкахъ»...». Ср. арабское *фа́рас* «конь».

Въ примѣчаніи на стр. 212 авторъ недоумѣваетъ относительно этимологіи слова *фертъ* въ смыслѣ «франтъ, щеголь». Едва-ли можно отдѣлить это слово отъ названія буквы: ср. *стать фертомъ*, *ходить фертомъ*, т. е. уперевъ руки въ бокп (что̀ придаетъ человѣку надменный или фатоватый видъ).

«фиала sf. vas, Св. Аѳ. Гора 28. <φιάλα...: др.-гр. φιάλη.... Изъ контаминаціи φιάλη + ὕαλος получилось *φίαλος> фиалъ sm. vas, (съ XVI в. 24)...». И такъ фиала является въ началѣ XVIII в. и при томъ въ писаніи не какого-нибудь простеца, усвоившаго себѣ греческую рѣчь только изъ разговоровъ съ необразованными проводниками, а у болѣе или менѣе ученаго іеродіакона Дамаскина; вѣроятно-ли, чтобы онъ узналъ слово φιάλη впервые въ его простонародномъ видѣ φιάλα? Еще менѣе

вѣроятна предположенная авторомъ контаминація. Гдѣ произошла она? Очевидно, не у Русскихъ; но и Грекамъ нелегко было до нея додуматься, потому что ученые изъ нихъ твердо знали и φιάλη и ὕαλος, а неученые мало употребляли первое даже въ формѣ φιάλα и не употребляли второго, такъ какъ замѣняли его уменьшительнымъ ὑάλι (фонет. = *jáli*). Для формы **фиалъ** (если она дѣйствительно извѣстна уже съ XVI в.) довольно было и аналогіи словъ *кубокъ* и *(до)стоканъ*. Но что значитъ «24» послѣ «съ XVI в.»?

«*филактéрія* sf. «Gebetstreifen der Juden, Denkzettel, мр. Žel. 1027 <φυλακτήριον...». *E* (не *и*) = η ясно указываетъ на латинскую форму *phylacterium*, принятую, вѣроятно, черезъ польское посредство. Напрасно прибавлено: «Сюда же **фулакионъ** sm. «carcer»... <φυλακεῖον...»: для заимствующей стороны это — совсѣмъ другое слово.

«*фїль* sm. Art, Gattung, Race, мр. Žel. 1028; <φυλή». Очевидно, не изъ этого слова, книжнаго и значащаго «племя, сословіе», а изъ мад. *fél* «половина, часть, партія» между прочимъ въ такихъ сложеніяхъ, какъ *mi-féle* «что за...?», *minden-féle* «всяческій», при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что мадярское *é* (= *ē*) звучитъ близко къ *i*, а въ нѣкоторыхъ говорахъ и совсѣмъ переходитъ въ него. Впрочемъ, слѣдуетъ читать, вѣроятно, *філь*.

«**финиксъ** sm. avis..., *фéниксъ*... **фениксъ**... <φοῖνιξ, id.». Не просто «avis», а avis mythica omnium perfectissima et identidem renascens или, короче, —phoenix. Правда, и о несомнѣнной avis, о вóронѣ, Лафонтенъ говоритъ:

Vous êtes le phénix des hôtes de ce bois,

но устами льстивой лисицы. Если-бы авторъ вспомнилъ эти данныя, онъ отнесъ-бы *е* въ русской формѣ на счетъ не греческаго слова, въ которомъ этого звука нѣтъ, и не русскаго языка, въ которомъ не было основаній для превращенія *і* (т. е. οι) въ *е*, а на счетъ языковъ латинскаго и французскаго, откуда и нерѣдкое удареніе *фени́ксъ*.

«*фиста́шка*... <осм. *fεstεk* (изъ араб. *fustak*) <πιστάκι(ον)...». А по-французски *pistache*.

Упомянутое подъ словомъ *фитиль* «осм. *fetil*» есть ар. *фäтīl* «крученый».

«**флабоуграрь** sm. Fahnenträger... <φλαμβουράρις, id. <φλάμβουρον: φλάμμουλον [2]) <лат. *flammula*...», а примѣч. 2): «О взаимоотношеніи этихъ двухъ греческихъ формъ уже въ другомъ мѣстѣ». Во всякомъ случаѣ для соотношенія между μβ и μμ можетъ пригодиться указаніе, что *flammula* по-романски **flammella*, откуда **flammellum* — фр. *flambeau*, какъ и *flammare* — фр. *flamber*.

Въ примѣчаніи 3) къ тому-же слову, авторъ справедливо отвергаетъ мнѣніе Миклошича о принадлежности старо-славянскаго **прапоръ** сюда-же. Не имѣя подъ руками тѣхъ сочиненій, на которыя онъ при этомъ ссылается, позволю себѣ на всякій случай высказать свое предположеніе, что это слово — **пор-пор-ъ* — образовано такъ-же, какъ **бол-бол-ъка* — р. *болобо́лка* (чеш. *blaboliti* «болтать»), **гол-гол-ъ* (ср. перс. *ʒylʒyl* «звукъ льющейся жидкости, переливы голоса») — *глаголъ*, **кол-кол-ъ* — *клаколъ* (р. *ко́локолъ*), **пол-пол-ати* — *плаполати*; **тор-тор-ити* — р. *тороторить* (чеш. *tratořiti*), **хор-хор-итисѧ* — р. *хорохо́риться* (куда аналогически примкнуло и *мраморъ* — р. *мороморъ*), и такъ-же съ *е* **пер-пер-ъка* — р. *перепёлка* (польск. *przepiórka*, сербск. *препѐлица*). Относительно корня ср. *пар-ъ* (*па́р-ити*), *пар-и́ти*, **пор-хъ* — *прахъ* (р. *по́рохъ*, п. *proch*), **пър-х-ати* — р. *порха́ть*.

«*фортуна* sf. Sturm, Loos, Schicksal, рядомъ съ *хвортуна*, id. мр. <φορτοῦνα, id.... Отсюда же рум. *fortúnă*, «Sturm»... Измѣненіе значенія: «Glück»> «Sturm» произошло уже на греческой почвѣ...». По-малорусски и *хурто́вина* «буря». Въ этомъ смыслѣ *форту́на* могло быть заимствовано Малороссами скорѣе у Турокъ (осм. *фуртуна* «буря») или у Румынъ, а въ значеніи «счастіе, доля» — у Поляковъ.

«*фунду́къ* sm. corylus tuberosa... <осм. *fεndεk*, id. <ποντικό...

Обратное заимствованіе изъ осм. яз. >φουντούκι. . .». Для объясненія этихъ перемѣнъ въ гласныхъ слѣдуетъ предположить первоначальное осм. **фундык* (изъ ποντικό) и принять въ расчетъ существующее въ говорахъ *фундук*. Эта форма, какъ и *фындык*, произошла путемъ ассимиляціи гласныхъ. *Фындык* относится къ *фундук* такъ-же, какъ осм. *јылдыз* «звѣзда» къ *јулдуз* другихъ турецкихъ языковъ (вѣроятно, изъ **јылдуз*).

«*халéпа* sf. «зимняя непогодь, мокрый снѣгъ», юж. зап. кал. Даль IV², 557, изъ болѣе древняго: *халéпа* sf. Elend, Trübsal, Unglück, Widerwärtigkeit, мр. Žel. 1032, <*χαλέπα sf. «Elend»: χαλεπός. Сюда-же. . . офенск. *халяпный*, «смертный». . .». Удареніе, указанное Далемъ, господствуетъ и на Украйнѣ, а *халéпа* можетъ принадлежать говору, ставящему удареніе по-польски. Слово *χαλέπα безъ сомнѣнія возможно въ новогреческомъ языкѣ, но значило-бы оно, вѣроятно «непріятность, досадное обстоятельство, хлопоты». *Халепа* могло сложиться и безъ этого посредства, прямо изъ χαλεπός, по аналогіи какого-нибудь синонимическаго слова, или изъ мн. ч. ср. р. χαλεπά «непріятности, докуки, хлопоты», откуда **халепá* со мн. ч. *халéпы*. По значенію рѣзко выдѣляется *халяпный*, которое за то и можетъ быть другого происхожденія; ср., напр., мад. *halófél* «подобный мертвому, умирающій».

χαрадрь sm. «avis genus». . . <χαράδριος. . .». Такъ и ниже вмѣсто χαραδριός.

хéритъ, очевидно, слѣдуетъ признать не передѣлкой греческаго χειρόω, которое привлекаетъ сюда Матценауэръ, а производнымъ отъ имени буквы *хѣръ*, подобной кресту изъ двухъ линій, проводимыхъ діагонально на страницѣ для показанія недѣйствительности написаннаго.

«херувимъ. . . Изъ греч. χερουβίμ; pl. отъ χερούβ». Часто, если не чаще, χερουβείμ съ ει въ значеніи ī (евр. *k*ᵉ*rūvīm*).

«*химія* sf. chymia <χυμεία. . .». По-латыни *chemia* изъ χημεία.

«*хúрки* pl. «руки», офенск. . . <χέρι, «manus», pl. χέρια. Контаминаціей *хúри* pl. + **бырати** объясняется: *бúри* pl. «руки»,

офенск. . . .». Но возможно и безъ контаминаціи; во всякомъ случаѣ ср. не только *вы-*, *за-*, *на-*, *от-*, *при-*, *у-бира́ть*, но въ особенности *би́рщикъ* «вытаскивающій вещи изъ кармана жертвы, прижатой *затирщикомъ*».

«*хитонъ* sm. tunica, мр. Žel. 1038 (впервые: Проск. Арс. Сух. 157). <χιτώνας, id. <др.-гр. χιτών». Отсюда слѣдуетъ: 1) *хитонъ* есть слово малорусское, 2) встрѣчается оно впервые у Арсенія Суханова, 3) въ малорусскій языкъ или къ этому писателю — очевидно, малорусскому — это слово проникло изъ простонароднаго греческаго языка. Таковы послѣдствія небрежной редакціи. Впрочемъ это слово ровно столько-же малорусское, сколько великорусское или бѣлорусское, такъ какъ всѣмъ Русскимъ оно стало извѣстно изъ Евангелія, въ греческомъ подлинникѣ котораго, конечно, не χιτώνας, а χιτών.

«*хлами́да* sf. «Kaisermantel, Königsmantel», Žel. 1039; <ст.-сл. хламѹ̈да. (Остр. Ев. 198 β, γ, δ) <χλαμύδα». Съ этимъ словомъ дѣло обстоитъ такъ-же, какъ съ предыдущимъ. Потому нужна здѣсь только др.-гр. χλαμύς, которое и не упомянуто.

«*ховро́нья* sf. sus. . . <Φεβρωνία. . . [1]) — путемъ контаминаціи съ ср.-греч. γουρώνι, pl. γουρώνια, «sus». . . Мое предположеніе о заимствованіи слова изъ греч. языка оправдывается тѣмъ, что и позднѣйшее греч. γουρούνι [2]), «sus» проникло въ русскій языкъ въ видѣ *хру́нья*. . .; *хру́нь*. . ., *хро́ня*. . .». Эта этимологія слова *ховро́нья* въ смыслѣ «свинья» можетъ служить образчикомъ остроумія автора. Тѣмъ менѣе она нуждается въ какомъ-бы то ни-было оправданіи, не только въ такомъ, какое онъ привелъ, не оправдывающемъ ничего, потому что позднѣйшее заимствованіе слова не доказываетъ его заимствованія также въ болѣе раннюю эпоху, при иныхъ условіяхъ. Сверхъ того для этого позднѣйшаго заимствованія слѣдуетъ принять въ расчетъ звукоподражательное *хрю* или, въ говорахъ, не смягчающихъ *р*, *хру*, и образованія въ родѣ *ню́ня*, *фу́ня* отъ *ню* и *фу* и, можетъ быть собственное имя *Гру́ня*, уменьшительное отъ *Агриппи́на* — *Аграфе́на*.

Въ примѣчаніи 1) вмѣсто «*хївря*» читай: *хівря*, а съ приведеннымъ въ примѣчаніи 2) офенскимъ *ки́рха* «свинья» сравни съ одной стороны греческое χοῖρος «свинья», съ другой—офенское-же могилевское *кирга* (фонет. = *кірҕа*) «рука» (подъ *хи́рки*).

«*хо́рья* ‹*хо́йра* . . .». Наоборотъ, потому что то и другое, какъ показываетъ авторъ, «изъ греч. χωριό, «село» ‹χωρίον . . .». Перестановка звуковъ *р* и *й* едва-ли русская.

Архангельское *хруль* «носачъ» восходитъ, конечно, не къ «γρύλλις: γρύλλιος, «sus», въ чемъ сомнѣвается и самъ авторъ, а скорѣе къ какому-нибудь старо-скандинавскому слову съ *hr* въ началѣ, какъ *hriota* «храпѣть» и т. п.

«**хоусарии** sm. «nauta, corsarius», Чуд. Ник. Мирл. 42, рядомъ съ **хоусаръ** sm. pirata, Хож. Дан. 91. ‹мадяр. *huszár* ‹греч. κουρσάριος . . . Заимствованіе изъ нѣм. *husar*› *гусаръ . . .*». Форма **хоусарии** не связывается непосредственно ни съ мадярскимъ словомъ, ни съ греческимъ, а предполагаетъ латинизацію перваго — **hus(s)arius* (которая, можетъ быть, гдѣ-нибудь и встрѣчается). Но каково отношеніе слова *huszár* къ κουρσάριος? и почему Мадяры заимствовали греческую передѣлку латинскаго *cursarius* (отъ *cursus* «бѣгъ, набѣгъ, наѣздъ»), а не латинскій первообразъ, хотя культура шла къ нимъ съ запада, а не съ юга? Впрочемъ и съ *cursarius* или съ его романскими отраженіями можно соединить *huszár* прямо только въ томъ случаѣ, если будетъ доказана вѣроятность измѣненія *c* (= *k*) въ *h* въ мадярскомъ словѣ, заимствованномъ изъ другого языка. Въ словахъ обще-финскихъ эта замѣна не подлежитъ сомнѣнію: суоми *kala* «рыба», *kuolee* «умираетъ», *kolme* «три», *kota* «домъ»—мад. *hal*, *hal*, *három*, *ház*, и т. п. Что же касается заимствованій, сюда, можетъ быть, подойдутъ слѣдующіе примѣры: *hab* «пѣна»—тур. *кубук* (но въ болѣе короткомъ видѣ), *had* «война»—кельтск. *katu*—, *hajó* «корабль» — тур. *kajyk* «лодка», *hajt* «сгибаетъ, поворачиваетъ» — тур. *kajm-mak* «возвращаться», *homok* «песокъ» — тур. *кум*, *hordó* «бочка» — тур. *kaptak* «чехолъ, вмѣстилище», *horgany* «цинкъ»—тур. *курҕа-шын* «свинецъ», *hurkol*

«опоясывается» — тур. *kyp* «поясъ». Примѣры пропуска *r* въ мадярскомъ языкѣ мнѣ извѣстны только передъ шипящими: *hás* при *hárs* «липа», *kocsma* при *korcsma* «корчма». Нѣмецкое происхожденіе нашего *гуса́ръ* сомнительно уже потому, что *s* между гласными звучитъ по-нѣмецки какъ *з*. Гусарскіе полки формировались у насъ при Елисаветѣ Петровнѣ, большею частью изъ казачьихъ, по венгерскому образцу инструкторами изъ австрійскихъ Сербовъ и, вѣроятно, изъ Мадяръ. Отсюда *венге́рка* «полукафтанье со стоячимъ воротникомъ и шнурами на груди» (перешедшая отъ гусаръ и къ штатскимъ), *доломáнъ* или *дóлманъ* «такое-же полукафтанье, но короче и съ бóльшимъ количествомъ нагрудныхъ шнуровъ» — мад. *dolmány*, *ме́нтикъ* «родъ доломана съ мѣхомъ, носимый въ накидку на лѣвомъ плечѣ» — мад. *mente*, *та́шка* «висящій на двухъ тесьмахъ карманъ» — мад. *táska*, *витишке́тъ* «свободно висящій шнуръ отъ кивера къ наплечному шнуру» — мад. *vitéz— kötet* (? слово мнѣ неизвѣстное, но вполнѣ возможное) и возглашавшееся на гусарскихъ пирушкахъ *теремтеме́*—мад. —*teremtőt* «Творца» (вин. п.) или *teremtődet* «Творца твоего» въ зависимости отъ умалчиваемаго глагола. Чтò касается перевода поясняемаго слова, онъ подлежитъ исправленію въ «nauta cursarius» (= pirata).

«*ци́ганъ*... мр...., *цыга́нъ*, *цыганъ* (»*цы́ганъ?*«)... бѣлорусск.... Отсюда: *цыга́нить* v. 1) выпрашивать, выманивать..., 2) мѣнять съ барышомъ..., *цига́нити* v. 1) schwindeln, betrügen, 2) sich als Zigeuner verkleiden u. auf Diebstahl ausgehen», мр.... <τσίγανος... <ἀθίγγανος, «hereticus»...». Читай: haereticus. Не сказано, что *цыга́нъ* и по-великорусски. *Цыга́нить* значитъ также «передразнивать», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Украйны *цига́нити* говорится объ отцахъ новоженовъ и ихъ старшихъ родственникахъ, когда они послѣ свадьбы разъѣзжаютъ по другимъ родственникамъ и угощаются у нихъ.

Чага́нъ «artemisia annua» едва-ли отъ осм. *чаҕанос* «морской ракъ», потому что 1) между травой въ родѣ полыни и ракомъ трудно найти какое-нибудь сходство, 2) *чаҕанос* есть слово осман-

ское, неизвѣстное другимъ Туркамъ, а наши культурныя сношенія съ Османцами были сравнительно ничтожны, 3) *—ос* въ турецкомъ словѣ не отпало-бы, такъ какъ повторяется во всѣхъ падежахъ: род. *чаʒаносун*, дат. *чаʒаноса*, вин. *чаʒаносу* и т. д. Можетъ быть, для объясненія русскаго слова пригодится монгольское *чаʒан (цаʒан)* «бѣлый».

«*чала́пати, челепати* v. «waten, sich mit Mühe fort bewegen», мр. Žel. 1063. Это, опять неясное слово, я, колеблясь, сопоставляю съ греч. τσαλαπατῶ, «trete mit Füssen», что G. Meyer, Alb. Wb. 443 считаетъ заимствованіемъ изъ осм. *čala*, «en frappant» (изъ *čalmak*, «schlagen») + πατῶ. Но звукъ *č* русскаго слова заставляетъ скорѣе считать его прямо турецкимъ». Вѣрна-ли этимологія Густава Мейера, еще вопросъ, такъ какъ *чала*, дѣепричастіе отъ (а не «изъ») *чалмак*, употребляется почти только въ повтореніи — *чала-чала* «постоянно или постепенно ударяя» — или передъ вспомогательными глаголами *бі́лмек* «знать» и *вермек* «давать» — *чала́-бі́лмек* «мочь ударить», *чала́-вермек* «разомъ ударить», и надобно еще показать примѣры такихъ турецкихъ дѣепричастій съ греческими глаголами. О заимствованіи слова *чала́пати*, особенно при *челепати* (удареніе не показано), прямо съ турецкаго *чалмак* нельзя думать по отсутствію производственнаго *—ап* — въ славянскихъ языкахъ, и, конечно, ужь не *ч* на ряду съ *ц* ведетъ насъ къ этому источнику. Съ перваго взгляда *чала́пати* напоминаетъ образованіемъ *цара́пать*. Но уже Горяевъ (если онъ не воспользовался чьимъ-либо чужимъ указаніемъ) сопоставилъ это слово съ нѣм. (нижн.) *schrappen* = kratzen. Какъ при польск. *całun* «покровъ» есть чеш. *čaloun* — то и другое изъ ср.-в.-н. *schalûne* «шалонская (изъ Châlon) ткань», такъ и при *цара́пать* есть *чаря́пать*, котораго *ч* можетъ быть не только не таково, какъ въ *чепь* — *цѣпь*, но и не тождественно съ діалектическимъ *ч* = *ц*, а представлять собою, на ряду съ *ц*, отраженіе нѣмецкаго *sch* въ стадіи *śχ* и *s̀χ* на пути отъ *sk* черезъ *sχ* (ср. англо-сакс. *scrëpan*, голл. *schrabben* — фонет. = *схра́ббън* — «цара-

пать», откуда — хоть не прямо — бѣлор. *скра́бацъ*, великор. *скря́бать*, малор. *шкра́бати*, чеш. *škrábati*, польск. *skrobać*) къ позднѣйшему нѣмецкому *sch* = *š*. Восходитъ-ли къ *sch* = *śχ* — *šχ* чеш. *cvál*, *cval*, польск. *cwał* или *czwał* «скокъ, галопъ», нельзя рѣшить, пока не выяснено происхожденіе этого слова. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что *чала́пати* едва-ли можно на-чисто отдѣлить отъ малорусскаго-же *чвала́ти* «плестись», семасіологическая связь котораго съ упомянутымъ чешскимъ и польскимъ словомъ не представляла-бы особенныхъ затрудненій, если-бы оказалось, что послѣднее происходитъ отъ ср.-в.-н. *zuo allen sc. vieren vuezen* «на всѣхъ четырехъ ногахъ» (ср. zu Fuss «пѣшкомъ»): если животное пускается «со всѣхъ четырехъ ногъ», оно бѣжитъ быстро, если-же человѣкъ пробирается «на четверенькахъ», онъ движется впередъ медленно. *Челепати* при *чала́пати* наводитъ на мысль о контаминаціи съ глаголомъ *шлёпать* (въ смыслѣ «идти съ трудомъ, всплескивая ногами грязь или воду») или, если этотъ процессъ совершился раньше, — съ нѣмецкимъ *(sich) schleppen* «тащить(ся»). То-же соединеніе можетъ оказаться и въ малорусскомъ *пришеле́поватый* «придурковатый» при сопоставленіи его съ чешскимъ *šarapata* «рухлядь» (ср. польск. *szarpać*, малор. *ша́рпати* «рвать клочьями» — нѣм. *scharben* «крошить», англос. *sceorpan* «царапать» и т. п.), но и «дуракъ, олухъ». То-же слово у Мазуровъ Сѣдлецкой губерніи въ пословицѣ «Nie tak láta, jak sarapata» (краковскій Zbiór wiadomości do antropologii krajowéj. Tom. VIII. II стр. 321), но съ другимъ значеніемъ — можетъ быть, бѣды, непріятности. Особенно важно для объясненія слова *чала́пати* чеш. *šlapati*, польск. *szłapać* «тяжело или медленно ступать» отъ нѣм. *Schlappe* «шлёпанецъ, туфель безъ задка».

Подъ «*черешня*» (читай: *чере́шня*) къ предположенному авторомъ **чѣрша* прибавь русск. *чере́шина* (если здѣсь не диссимиляція) и болг. *црѣша* (у него **црѣша** изъ «Ао. Гора 23») или *черѣша*, гдѣ относительно *е* между *ч* и *р* и относительно *ц* изъ *ч* передъ *р* (какъ у Сербовъ) ср. *че́рен* и *црѣн* — **чрѣнъ**, *чередá* —

чрѣда, *чéреп* и *ирпп* — **чрѣпъ**, *черпьсло* и *ирпьсло* «сошникъ» — р. *чересло́* (др.-болг. мн. **чрѣсла** въ другомъ значеніи). Но напрасно авторъ какъ будто считаетъ образованіе съ *—ня* только русскимъ: оно свойственно всѣмъ славянскимъ языкамъ кромѣ древне-болгарскаго («старо-славянскаго»), гдѣ, впрочемъ, не засвидѣтельствовано, можетъ быть, случайно. По-мадярски *cseresnye* (фонет.=*čerešńe*, но пишется не «čereśnye»), а заимствовано оно едва-ли у Русскихъ.

«Υογπρο... <Κύπριος... А не Κυπριανός?

«*чутýра* sf. *чутóра*, «hölzerne Flasche», мр. <рум. *čĭutură* <**kĭutĭ* <др.-гр. κύτος... Сюда-же: мр. *чĭтура* sf. «Blechbüchse»..., мадяр. *čutora*...». По-румынски *ciutură*, фонетически=*чýтуръ*. По-мадярски *csutora*, фонетически=*чýторå*. Въ «**kĭutĭ*» *i*, очевидно, не кратко, а, такъ сказать, негласно, т. е. *i̯*, если — что̀ вѣрнѣе—не служитъ простымъ знакомъ смягченія (ср. **скютолъ** изъ σκυτοτόμος). Вмѣсто *чĭтýра*», вѣроятно, слѣдуетъ читать: *чітýра*. Образованіе на *—ură* (не *—úră*, что̀ существенно) объясняется, по видимому, такъ: отъ **čútĭ*, смѣнившаго собою **kutĭ*, множественное было **čúturi;* отсюда *čútură (ciutură)*, какъ изъ *rámuri* «вѣтви, оленьи рога», мн. ч. отъ *rám(ĭ)* «вѣтвь, сукъ», — *rámura* «вѣтка». Впрочемъ Бернекеръ остановился на нѣсколько иной этимологіи румынскаго слова, указывая на итальянское *ciótola* «глиняный стаканъ» изъ **cytula* — въ концѣ концевъ отъ того-же κύτος, и противъ этого было-бы трудно что-нибудь возразить, если-бы не странность соотношенія *cy—* и *cio—*: **cytula* не могло удержать *y* = *ĭ* и должно было обратиться или въ *cu—*, откуда **cótola*, или въ *ci—*, откуда **cítola*. Словѣнское *čútara* «плоская баклажка, фляжка», забытое авторомъ, но значащееся у Бернекера, восходитъ, вѣроятно, къ мад. *csutora*, откуда и малорусское *чутóра* съ удареніемъ по *чутýра*, которое само изъ *натýра*, *хвідýра*, *мацапýра* и т. п.

«*явлúда* sf. «корова», офенск.... *улúда*..., *алúда*, *явлюда*...; *галúдъ*, «быкъ», *галúда*, «корова», Дорогобужъ... <ἀγελάδα. Фонетическая сторона остается не выясненной». Послѣднее за-

мѣчаніе до такой степени вѣрно, что предшествующая ему этимологія кажется основанной не столько на звукахъ, сколько на смыслѣ (такъ какъ ἀγελάδα значитъ «корова», чего авторъ не сказалъ). Кромѣ различія въ наставкѣ, носящей при томъ ударе-ніе, удивляетъ читателя и довольно стойкое *е* русскихъ формъ въ противоположность греческому γε = *je*. Потому приходитъ въ голову предположеніе, что офенское первоначальное **авлы́да* (ср. *явлы́да* и смол. *галы́да*, т. е., фонетически *ɣалы́да*, при *алы́да*) заимствовано не изъ общепонятнаго греческаго языка, а изъ условнаго-же, въ которомъ ἀγελάδα замѣнялось искусственнымъ *αὐλίδα отъ слова αὐλή «дворъ», куда коровы загоняются на-ночь, удобнѣйшее время для воровства, тогда какъ днемъ онѣ ходятъ въ стадѣ, ἀγέλη, на глазахъ у пастуха. Предположенная основная офенская форма отчасти подтверждается слѣдующимъ ниже также офенскимъ *я́ласть*, *га́лость* и т. п. «соль» изъ ἅλας (по выговору — безъ густого дыханія, котораго нѣтъ въ ново-греческомъ языкѣ). Правда, авторъ замѣчаетъ при этомъ словѣ: «Неясна только причина существованія въ началѣ слова *j* и *г*» (что̀ онъ могъ-бы замѣтить уже при *явлы́да* — *галы́да*). Но эта двойственность начала указываетъ на основное **а́лась*, котораго *а*—, несвойственное русскому языку, и устранялось различными способами, смотря по нарѣчію говорящаго.

«*якоръ* sm. ancora, ‹якорь, ‹др.-шведск. *ankari* ‹лат. *ancora* ‹греч. ἄγκυρα... Изъ русск. якорь› латышск. *enkurs*, лит. *iñkoras*, *iñkaras*, см. Berneker 29». Но Бернекеръ осторожнѣе: онъ лишь предполагаетъ «**ękorъ*», подтверждая эту форму ссылкой на балтійскіе языки, заимствовавшіе ее, однако онъ не называетъ ее прямо русскою. Написанная церковно-славянскими буквами, эта форма будетъ имѣть видъ якорь, и въ такомъ видѣ она, точно, встрѣчается въ русскихъ памятникахъ, но съ тѣмъ-же звуковымъ значеніемъ, какъ ѩкорь. Потому балтійскія формы не могутъ происходить отъ этого якорь. Невѣроятно это и по той причинѣ, что онѣ предполагаютъ первообразъ на —*ъ*. Навязывается вопросъ, не было-ли у нѣкоторой части Славянъ, еще не

подѣлившихся окончательно на исторически извѣстныя племена, двухъ однозначащихъ словъ—**якорь* изъ сканд. *ankari* и **якоръ* изъ др.-в.-н. *ankar*.

Въ «Дополненіяхъ и поправкахъ» подаютъ поводъ къ замѣчаніямъ слѣдующія мѣста.

Къ стр. 10 (на стр. 232) «**progъ*» въ качествѣ общеславянской формы есть, вѣроятно, опечатка вмѣсто **porgъ*.

Къ стр. 18, строкѣ 17 слѣд.: «Къ литературѣ о Κοινή прибавлю еще статью Корша, Мысли о происхожденіи новогреческаго языка, Одесса 1896, стр. 1—16, который большое значеніе въ образованіи эллинистическаго языка придаетъ бэотійскому нарѣчію». Держась критическихъ формулъ автора, я могъ-бы сказать по поводу этой передачи моего мнѣнія: «Неточно Фасмеръ»: на бэотійское нарѣчіе я указывалъ лишь какъ на такое, въ которомъ впервые представляются намъ черты позднѣйшаго вокализма, зародившагося, какъ мнѣ кажется, въ сѣверной Греціи, при чемъ однако первое мѣсто въ образованіи «общаго» языка я, подобно всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, отводилъ аттическому нарѣчію. Послѣднее признаетъ, конечно, и авторъ, но, какъ здѣсь, такъ и въ «Положеніи» 7, подчеркиваетъ вліяніе іоническаго нарѣчія, приписывая именно ему на первый разъ («объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ») введеніе сочетаній σσ и ρσ вмѣсто аттическихъ ττ и ρρ. Такъ какъ и σσ и ρσ свойственны нѣкоторымъ другимъ нарѣчіямъ, весьма любопытно узнать причины, побудившія такого знатока дѣла, какъ М. Р. Фасмеръ, признать источникомъ этихъ сочетаній въ κοινή только іоническое нарѣчіе. Теперь къ русской библіографіи по κοινή можно прибавить основательное изслѣдованіе профессора С. И. Соболевскаго въ Энциклопедіи богословскихъ наукъ.

Къ стр. 22, примѣч. 1) исправлено «Κοδράνης» въ «Κοδράντης». Изъ этой формы Шульце выводитъ русское *Кондратъ* посредствомъ вторичной назализаціи, но какъ именно, изъ словъ автора невидно. Подлинная форма этого имени—*Кодратъ*, по-гречески—

Κοδρᾶτος съ латинскаго *Quadratus*, а *н* попало въ него, вѣроятно, изъ нѣмецкаго *Konrad*.

Къ стр. 30, примѣч. 3) авторъ подтверждаетъ предложенное тамъ производство офенскаго *мелюсъ* «медъ» изъ готскаго *milip* (здѣсь «*melip*») тѣмъ соображеніемъ, что это можетъ быть «заимствованіе изъ языка *крымскихъ готовъ*», изъ котораго онъ выводитъ найденное имъ въ русско-нѣмецкомъ словарѣ Павловскаго *хайта* «weite, schlotternde kleidung», «что изъ *hêta*, «kleid», можетъ быть, путемъ контаминаціи съ *paida*, «Kock»». Для доказательства такого неожиданнаго факта, какъ участіе Готовъ, хотя-бы и крымскихъ, въ созданіи языка нашихъ офеней и воровъ, нужны данныя, болѣе вѣскія. Ср. съ одной стороны мад. *hajték* «складка», съ другой—рум. *háina* «одежда». Офенскія *мелюсъ*, *емеля*, *имелька* и т. п. безопаснѣе связать съ греч. μέλι «медъ» и, можетъ быть, съ μέλισσα «пчела».

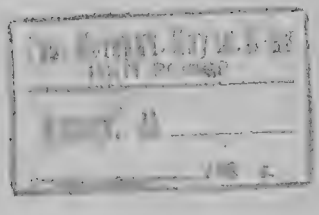
Къ стр. 76 названіе растенія erythronium dens canis авторъ не признаетъ заимствованнымъ съ алтайскаго *кандык*, которое, по его мнѣнію, «скорѣе слѣдуетъ считать заимствованнымъ изъ русскаго языка». Это было-бы возможно въ томъ случаѣ, если-бы алтайскіе Турки узнали это растеніе отъ Русскихъ; для родной флоры у нихъ были, конечно, свои названія. Поймемъ-ли мы *кандык* какъ нѣчто кровавое *(*кан-лык)* или какъ подобное крови *(кáн-дык)*, такое названіе краснаго цвѣтка нельзя не признать вполнѣ подходящимъ.

Къ стр. 200 дополнено «*таусиный* adj. павлинный... отъ *таусъ*, «павлинъ» <греч. ταώς, id....». А по-арабски и оттуда по-персидски и по-турецки *ṭāūs*. Относительно значенія этого прилагательнаго «синій» ср. пѣсенное бѣлорусское *пава размавистая*, если только *размавистый* отъ турецкаго *мас-мавi* «совсѣмъ синій, синехонькій».

И такъ новый трудъ нашего молодого, но уже извѣстнаго византиниста далъ поводъ ко многимъ замѣчаніямъ и даже возраженіямъ какъ общаго характера, такъ и частнаго. Но этотъ фактъ свидѣтельствуетъ не только о наличности нѣкоторыхъ не-

достатковъ въ книгѣ, а и объ ея содержательности и научномъ интересѣ. Заслуга автора велика и будетъ, безъ сомнѣнія, оцѣнена всѣми славистами, а также историками русской культуры. Изучая этотъ плодъ основательныхъ, разносторонних и съ любовью и умѣніемъ исполненныхъ работъ, невольно хочется принять въ немъ посильное участіе, и читатель этой рецензіи, вѣроятно, понялъ, что многія мѣста ея вызваны желаніемъ двинуть поднятые авторомъ книги вопросы хоть нѣсколько дальше, а вся оцѣнка въ цѣломъ внушена стараніемъ объ усовершенствованіи такъ успѣшно начатаго труда. Его слабыя стороны объясняются въ значительной мѣрѣ поспѣшностью, сказавшеюся прежде всего въ формѣ, во внѣшнихъ частностяхъ, которыя въ рецензіи изрѣдка указаны словами, а иногда отмѣчены простой выпиской отдѣльныхъ мѣстъ съ сохраненіемъ всѣхъ мелочей до знаковъ препинанія включительно.

Какъ бы то ни было, несмотря на отмѣченные выше недостатки, отчасти неизбѣжные при неразработанности предмета, трудъ г. Фасмера отличается такими крупными достоинствами, что несомнѣнно заслуживаетъ полной преміи Михельсона.



Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль, 1912 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*